

Handwritten text in a highly decorative Gothic script, likely a title or initial. The text is arranged in three lines and reads: "Gloria in excelsis deo". The letters are intricately designed with sharp points and elaborate flourishes, characteristic of the Blackletter style.

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЛГОГРАД
1981

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
У. ПЕТНИКОВА
ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОФОРМЛЕНИЕ
Б. БОКОЛОВА

84.4Г
Г84

Гримм Я. и Гримм В. К.
Г 84 Сказки братьев Гримм. /Пер. с нем. Г. Петникова ; ил.
Е. Соколова.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981.—
128 с., ил.

Г 70802—004 46—81
М 151 (03) — 81

И (нем.) 84.4Г

ШИПОВНИЧЕК

ного лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них все не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне, и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желанье исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не

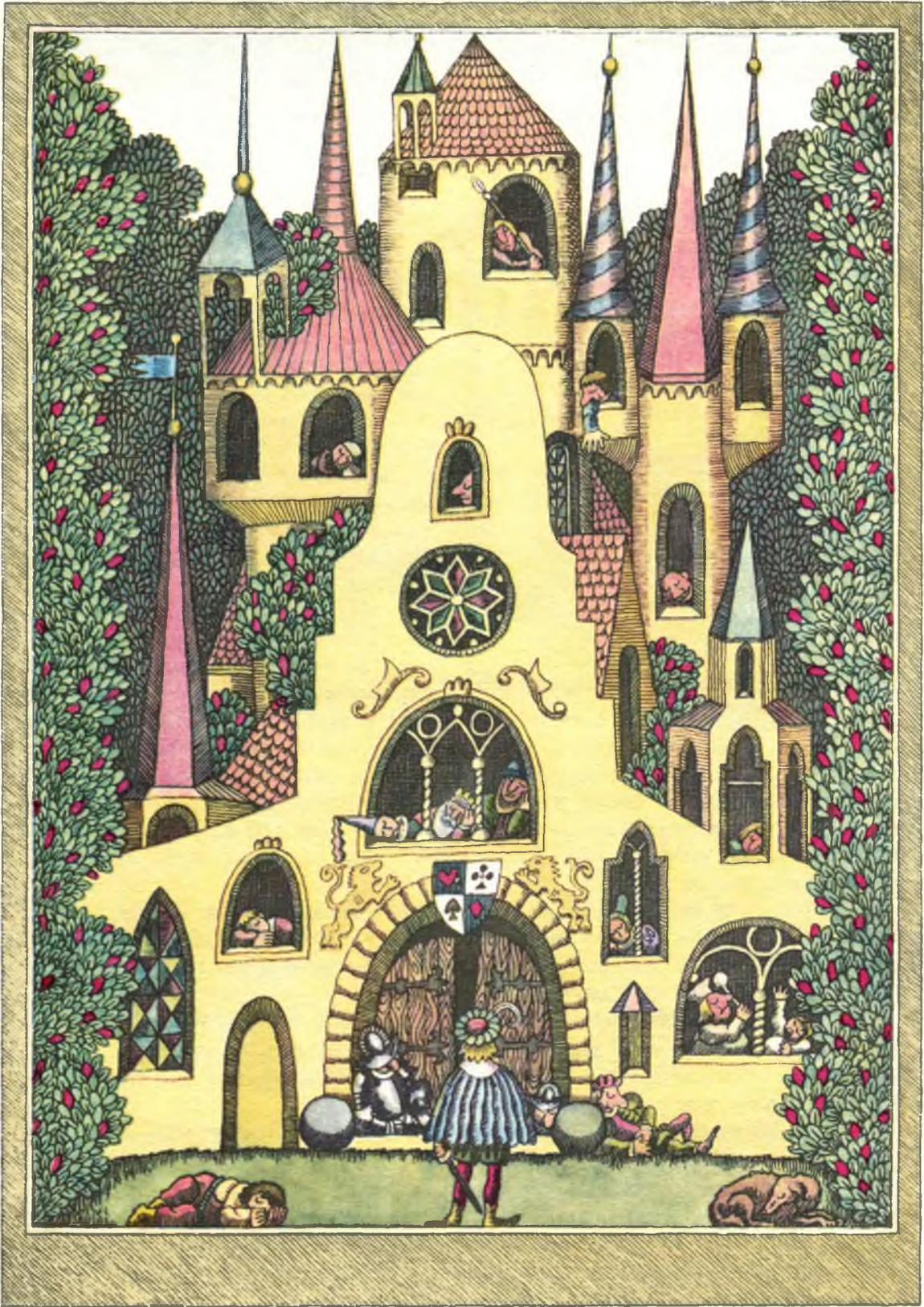
знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать; но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной.

Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколоться о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего желания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадет королева.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевы не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — все, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взшла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка,— молвила королева,— что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду,— ответила старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то не доглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила, наконец, весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королеве, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки,— и юноши запутывались в заросли и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица-королевна, по прозванию Шиповничек, и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но он совета его не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, — они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ощипать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и все было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошел он, наконец, к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно смотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

ЧЕРТ С ТРЕМЯ ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

ила однажды бедная женщина, вот родила она сыночка, родился он на свет в рубашке, и было ему предсказано, что на четырнадцатом году он женится на королевской дочери. И случилось, что вскоре после того прибыл в эту деревню король; но никто не знал, что это король, и когда он стал расспрашивать у людей, что тут у них нового, ему ответили:

— Да вот родился у нас на этих днях ребенок в рубашке; что он ни задумает, во всем ему будет удача. И пред-

сказано ему еще, что на четырнадцатом году будто женится он на королевской дочери.

А было у короля сердце злое; разгневался он, узнав о таком предсказанье, и пошел к родителям ребенка, прикинулся таким ласковым, таким добрым и говорит:

— Вы люди бедные, отдайте мне вашего ребенка, уж я о нем позабочусь.

Поначалу они отказывались, но когда этот чужой человек предложил им за это немало золота, они порешили: «Уж раз он родился счастливецом, то будет это для него к лучшему», и они согласились и отдали ребенка.

Положил король ребенка в походный ларец и поскакал с ним на коне дальше. Подъехал он к глубокому оврагу, бросил ларец в воду и подумал: «Вот я и спас свою дочь от непрошеного жениха». Но ларец не утонул, а поплыл, словно кораблик, и ни одна капля воды в него не просочилась. И отплыл он на две мили от королевской столицы, приплыл к мельнице и остановился у плотины. К счастью, стоял поблизости работник с мельницы, он заметил ларец и вытащил его багром на берег, думая найти в нем немалые сокровища; но когда он его открыл, то увидел, что лежит в нем красивый мальчик, здоровый и веселый. Он принес его к мельнику и его жене, и так как детей у них не было, то мельничиха обрадовалась.

Стали они о найденыше заботиться, и он вырос, воспитанный во многих добродетелях.

Но вот случилось однажды, что король, желая укрыться от грозы, зашел на мельницу и, заметив рослого мальчика, спросил у мельника и его жены, не их ли это сын.

— Нет,— ответили они,— это найденыш. Четырнадцать лет тому назад его принесло в ларце к нашей плотине, и работник вытащил его из воды.

Тогда король понял, что это не кто иной, как тот самый счастливец, которого он бросил в воду, и он сказал:

— А нельзя ли будет, люди добрые, послать его с моим письмом к королеве? Я дам ему за это в награду два золотых.

— Как прикажешь король,— ответили мельник и мельничиха и велели юноше приготовиться в путь-дорогу.

И написал король письмо королеве, а было в нем сказано: «Как только этот мальчик прибудет с моим письмом, я приказываю его убить и закопать в землю; и сделать все это надо до моего возвращения».

Отправился мальчик с этим письмом в дорогу, но в пути заблудился и попал под вечер в дремучий лес. В темноте он заметил огонек, пошел навстречу ему и очутился около избушки. Вошел он туда, видит — сидит у очага старуха, а больше в избушке никого нету. Она увидела юношу, испугалась и говорит:

— Ты откуда и куда направляешься?

— Я иду с мельницы,— ответил он,— направляюсь к королеве, несу ей письмо; да вот заблудился в лесу и хотел бы у тебя переночевать.

— Бедный ты мальчик,— молвила старуха,— ведь ты попал в разбойничий притон; когда разбойники вечером вернутся домой, они тебя убьют.

— Ну, что ж, пускай приходит кто угодно,— сказал юноша,— я никого не боюсь; я так устал, что идти дальше не в силах.— И он лег на лавку и уснул.

Вскоре явились разбойники и гневно спросили, почему тут лежит какой-то чужой мальчик.

— Ах,— сказала старуха,— да ведь это ж еще совсем невинный младенец, он заблудился в лесу, и я из жалости его приютила; он должен доставить письмо королеве.

Распечатали разбойники письмо, прочитали его, а написано в нем было, что как только он явится, его надо немедленно убить. И вот почувствовали жестокие разбойники жалость, их атаман разорвал письмо и написал вместо него другое, где сказано было, что как только он явится, его тотчас должны обвенчать с королевской дочерью. Они оставили его спокойно спать на лавке до самого утра, а когда он проснулся, дали ему письмо и показали дорогу.

Королева, получив письмо и прочитав его, поступила так, как было в нем указано: она велела устроить пышную свадьбу, и

королевна была повенчана со счастливецом. А так как юноша был красивый и ласковый, то жила она с ним в радости и довольстве.

Спустя некоторое время король вернулся в свой замок и увидел, что исполнилось предсказанье и счастливец повенчан с его дочерью.

— Как же это случилось? — спросил он. — Ведь я в своем письме дал совсем другой указ.

Тогда подала ему королева письмо и сказала: пусть, мол, сам поглядит, что в нем написано. Прочитал король письмо и сразу заметил, что его подменили другим. Он спросил юношу, куда девалось доверенное ему письмо и почему он принес вместо него другое.

— Я ничего об этом не знаю, — ответил он, — должно быть, его ночью подменили, когда я спал в лесу.

И сказал разгневанный король:

— Ну, это тебе не так-то легко удастся! Кто хочет получить дочь короля в жены, тот должен добыть мне из ада три золотых волоса с головы черта, — если принесешь, что я требую, то останется моя дочь твоею женой.

Так думал король отделаться от него раз и навсегда. Но счастливец ответил:

— Что ж, золотые волосы я вам добуду, черта я не боюсь. — На том он простился с королем и начал свое странствие.

И привела его дорога к одной столице. Городской привратник начал его выспрашивать, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил счастливец.

— Тогда окажи нам услугу, — сказал привратник, — объясни, отчего наш фонтан на рыночной площади, из которого прежде било вино, ныне иссяк и даже вода из него не течет.

— Это я вам объясню, — ответил юноша, — подождите только, пока я назад вернусь.

И он отправился дальше и подошел к другому городу; и опять спросил его привратник, какое ремесло он знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи нам услугу и скажи, отчего дерево в нашем городе раньше давало золотые яблоки, а теперь на нем даже листьев нету.

— Это я вам объясню, — ответил он, — только подождите, пока я назад вернусь.

Пошел он дальше и пришел к большой реке, и надо было ему через ту реку переправиться. Перевозчик спросил его, какое ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи мне услугу, — сказал перевозчик, — растолкуй мне, почему я должен все время заниматься перевозом и никто меня никогда не сменит?

— Я это тебе объясню,— ответил он,— только подожди, пока я назад вернусь.

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-черно и копотью все покрыто, а черта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка в широком, большом кресле.

— Чего тебе надобно?— спросила она у него, и показалась она ему не такой уж злой.

— Да вот хотелось бы мне добыть три золотых волоса с головы черта,— ответил он,— а не то придется мне со своей женой разлучиться.

— Однако ж ты многого требуешь,— сказала она,— когда черт вернется домой и увидит тебя здесь, то придется тебе с жизнью своей расстаться. Но мне жалко тебя, я посмотрю — может, чем и смогу тебе помочь.— И она обратила его в муравья и сказала:— Заберись в складки моей юбки, там будет тебе безопасно.

— Да это-то хорошо,— ответил юноша,— но я хотел бы еще получить ответ на три вопроса: почему фонтан, из которого прежде било вино, нынче иссяк и даже вода из него не течет; почему на дереве, на котором прежде росли золотые яблоки, теперь даже листьев нету; и почему должен перевозчик все время перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит.

— Это вопросы трудные,— ответила бабка,— но ты сиди смиренно и слушай внимательно, что скажет черт, когда я стану вырывать у него три золотых волоса.

Вот наступил вечер, и воротился черт домой. Только вошел он и, видно, сразу ж заметил, что воздух что-то нечистый.

— Чую, чую мясо человечье!— сказал он.— Тут что-то неладно.— Он заглянул во все углы, стал искать и обшаривать, но найти ничего не мог.

Тут стала бабушка его бранить.

— Да ведь здесь только что подметено,— говорит,— и все в должный порядок приведено, а ты все снова раскидываешь,— вечно ты чуешь носом человечье мясо. Садись-ка ты лучше да поужинай.

Поел он и попил,— видно, сильно устал,— и склонил голову на колени бабушке и попросил вшей в голове у него поискать. Тут вскоре он задремал, засопел и захрапел. Схватила тогда старуха один золотой волос, вырвала его и положила около себя.

— Ой!— вскрикнул черт.— Ты что делаешь?

— Да это мне дурной сон приснился,— ответила чертова бабушка,— вот я и схватила тебя за волосы.

— Что ж тебе такое приснилось?— спрашивает черт.

— Приснился мне фонтан на рыночной площади, било из него прежде вино, а теперь он иссяк, и даже вода из него не течет. Скажи, что причиной тому?

— Эх, если б знали они!— ответил черт.— Там сидит жаба под камнем,— если ее убить, то вино потечет снова.

Стала чертова бабушка опять в голове у черта вшей искать, тут он снова заснул и так захрапел, что даже стекла в окнах задрожали. И вырвала она у него второй волос.

— Ух! Да что это ты делаешь?— вскрикнул разгневанный черт.

— Ты не сердись,— ответила она,— это я спросонок.

— А что ж тебе опять приснилось? — спрашивает он.

— Да приснилось мне, будто растет в одном королевстве яблоня, прежде приносила она золотые яблоки, а теперь даже листьев на ней нету. Что причиной тому?

— Эх, если б они знали! — ответил черт. — Ее корни мышь подгачивает; если ее убить, будет она снова родить золотые яблоки, а будет мышь и дальше грызть корни, то и вовсе она засохнет. Но оставь ты меня в покое со своими снами! Если ты еще раз помешаешь мне спать, получишь пощечину.

Тут стала бабушка ласково его успокаивать и принялась опять искать у него в голове, пока он не заснул и не захрапел. Тогда она схватила третий золотой волосок и вырвала у него из головы. Тут черт как подскочит, как закричит, хотел было уже с нею расправиться, но она снова его успокоила и сказала:

— Что с дурными снами поделаешь!

— Да что же тебе приснилось? — спросил он с любопытством.

— Снился мне перевозчик; жаловался он, что должен все перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит. Что причиной тому?

— Эх, дурак же он! — ответил черт. — Если кто подойдет, чтоб через реку переправиться, пускай даст он ему в руки шест,— вот и должен будет другой стать перевозчиком, а он освободится.

Чертова бабушка, вырвав три золотых волоса и получив ответ на все три вопроса, оставила черта в покое, и он проспал до самого утра.

Вот черт снова ушел, достала тогда старуха из складок своей юбки муравья и вернула счастливицу опять его человеческий образ.

— Вот тебе три золотых волоса,— сказала она.— А что ответил черт на три вопроса, ты, пожалуй, и сам уже слышал.

— Да,— ответил счастливец,— я все слышал и хорошо запомнил.

— Ну, вот я тебе и помогла,— сказала она,— а теперь ступай своей дорогой.

Поблагодарил он старуху за помощь в беде, вышел из ада и был доволен, что во всем ему так посчастливилось. Пришел он к перевозчику и должен был дать ему обещанный ответ.

— Сперва перевези меня на тот берег,— сказал счастливец,— тогда я тебе скажу, как освободиться.— И когда они переправились на другой берег, он дал ему чертов совет:— Когда кто

подойдет опять к берегу и попросит перевезти, ты сунь ему шест в руки.

Пошел он дальше и пришел в город, где росло бесплодное дерево и где городской привратник тоже ждал ответа. И сказал он ему то, что слышал от черта: «Убейте мышь, грызущую корни дерева, и оно опять будет родить золотые яблоки». Поблагодарил его привратник и дал ему в награду за это двух навьюченных золотом ослов, которые должны были следовать за ним.

Наконец пришел он в город, где перестал бить фонтан. И он передал привратнику то, что посоветовал черт: «Надо найти жабу,— а сидит она под камнем в фонтане,— и ее убить, и опять забьет из фонтана вино». Поблагодарил его привратник и дал ему тоже двух навьюченных золотом ослов.

Наконец счастливцев воротился домой к своей жене, и она обрадовалась от всего сердца, что снова его увидела и узнала о том, что все хорошо ему удалось. И он принес королю то, что тот от него требовал,— три золотых волоса с головы черта; и когда увидел король четырех ослов, нагруженных золотом, то был и совсем доволен и сказал:

— Теперь все условия выполнены,— пускай моя дочь останется твоею женой. Но скажи мне, любезный зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь это ж богатства немалые!

— Да переправлялся я через реку,— ответил он,— и лежало оно, словно песок на берегу, и я забрал его с собой.

— А нельзя ли и мне его добыть?— спросил король, и одолела его великая жадность.

— Да сколько вам будет угодно!— ответил счастливцев.— Есть на той реке перевозчик, вы попросите его перевезти вас на другой берег, а там уж и набьете себе полные мешки золотом.

И отправился жадный король второпях в путь-дорогу, прибыл к реке и дал знак перевозчику, чтобы тот перевез его. Подъехал перевозчик и предложил ему сесть в лодку, и когда подъехали они к другому берегу, сунул тот ему в руки свой шест, а сам выскочил из лодки.

И с той поры должен был король в наказание за свои грехи сделаться перевозчиком.

— Что ж, перевозит он еще и поныне?

— А то как же! Ведь никто шеста из рук у него не возьмет.

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

ил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да,— ответила жена и вздохнула,— если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена родила ребенка, и был он

здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец.

И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитячко наше мы будем любить,— и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и все, что ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка,— говорит Мальчик-с-пальчик,— повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю ее в лес как раз вовремя.

— Да как же ты с этим делом управишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошадью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно,— ответил отец,— один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошадь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! Но! Левай, правей!»

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка

ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левей, левей!», показалось навстречу двое незнакомцев.

— Глянь,— сказал один из них,— что это такое? Едет повозка, возница на лошадь покрикивает, а самого его не видеть.

— Тут что-то неспроста,— заметил другой,— давай-ка пойдем вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямехонько туда, где рубили деревья. Увидел Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меняними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошадь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивления. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малыш мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги,— давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет,— говорит крестьянин,— это мой любимец, и я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь. И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху,— сказал человек, на голове у которого он сидел,— это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет,— ответил Мальчик-с-пальчик,— я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, заметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой

без меня,— крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышинной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно,— Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно,— сказал он,— чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава богу,— сказал он,— теперь я смогу провести ночь спокойно»,— и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать!— крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это?— спросил испуганный вор.— Я слышу, кто-то говорит.— Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты есть?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет,— ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь?— сказали они.

— А вот чем,— ответил он:— Я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело,— сказали они,— посмотрим, как ты с этим справишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы все хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: все забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка,— она спала в соседней комнате,— приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но воры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и услышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутек, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, на котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах,— воскликнул он,— я точно на сукновальню попал!»— но вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли,— сказал он,— вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего— в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, боже мой, господин пастор, а корова-то ваша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и

вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидал требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй,— подумал он,— с волком можно будет сговориться»,— и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдосталь.— И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там,— сказал волк,— а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там,— ответил малютка,— ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться,— и стал кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной,— сказал муж, когда они входили в кладовую,— когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косою вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и закричал:

— Милый батюшка, я здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Дитяtko наше нашлось!— и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то,— говорит отец,— сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я пострадал, но снова выбрался на свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышинной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете,— сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье,— прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

ТРИ ПЕРЫШКА

ил-был однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий говорил-то мало, был он простоват, и звали его Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесет мне самой лучшей работы ковер, тот и будет после смерти моей королем.

А чтоб не было между ними никакого спора, повел он их к замку, взял три перышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам идти.

Полетело одно перышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился один брат направо, другой пошел налево,— и посмеялись они над Дурнем, что остался возле третьего перышка, там, где оно упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идет дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошел к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

*Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?*

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковер.

Позвала та молодую жабу и говорит:

*Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!*

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковер и дала его Дурню. И был тот ковер такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всем свете никто соткать не смог бы. Поблагодарил он ее и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он, мол, никогда не найдет и ничего не принесет.

— Чего нам еще стараться искать,— сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принес свой прекрасный ковер. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума не хватает, быть королем, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесет мне самое красивое кольцо,— и он вывел трех братьев во двор замка, взял три перышка, дунул на них,— и поднялись они на воздух, и полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старших брата отправились снова на восток и на запад, а перышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в подземелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему. И блестело оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод от колеса, посбивали с него гвозди и принесли королю.

Когда Дурень показал свое золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших все докучали королю, пока, наконец, он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить

королевство, кто приведет домой самую красивую девушку.

Взял он три перышка, дунул на них,— и поднялись они на воздух и полетели так же, как и в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит:

— Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Такой сейчас нету, но ты ее все-таки получишь.

И она дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестью мышатами. И говорит, совсем запечалась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Ответила жаба:

— А ты посади в нее одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попалась, и посадил ее в желтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к королю.

Братья его явились позже,— они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство.

Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королем,— и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка,— она прыгнет и наверняка разобьется насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешибли свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень, и она проскочила легко, точно лань,— и спорить дальше было уже не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

СОВА

ет этак двести тому назад, когда люди не были еще такими умными и хитрыми, как в нынешние времена, приключилась в одном маленьком городке необычайная история. Залетела невзначай из соседнего леса в амбар к одному из горожан ночью большая сова, одна из тех, которых называют пугачом, и она, боясь других птиц, которые при виде ее поднимают отчаянный крик, не решилась на рассвете выбраться из своего укромого уголка.

Зашел утром в амбар работник взять соломы и, увидев сову, сидящую в углу под крышей, так испугался, что кинулся оттуда опрометью и рассказал своему хозяину, что сидит, мол, в амбаре такое чудище, какого он за всю жизнь ни разу не видел, глазами ворочает и может, чего доброго, кого-нибудь проглотить.

— Уж я тебя знаю!— сказал хозяин.— Вот гоняться на поле за дроздами— на это у тебя храбрости хватает, а увидишь где дохлую курицу, то, прежде чем подойти к ней, хватаешься за палку. Надо будет мне самому поглядеть, что там за чудище такое,— добавил хозяин, смело вошел в амбар и стал разглядывать по сторонам.

Но, увидев своими глазами необычайного и страшного зверя, он испугался не меньше работника. Опрометью выскочил он оттуда, бросился к соседям и стал их умолять, чтоб они помогли ему одолеть неведомого и опасного зверя; а не то, мол, будет угрожать всему городу опасность, если этот зверь выскочит из амбара, где он сейчас сидит. И вот поднялся повсюду на улицах большой переполох и крик. Вышли горожане, вооруженные копьями, граблями, косами и топорами, словно собираясь выступить в поход против врага. Наконец появились и господа советники города во главе с самим бургомистром. Выстроившись на рыночной площади в ряды, они двинулись поход-

ным порядком к амбару и окружили его со всех сторон. Потом выступил вперед один из храбрейших и вошел в амбар с копьем наперевес; но тотчас с криком, бледный как смерть, выскочил он оттуда и не мог вымолвить и слова. Отважились туда войти еще двое, но и с теми кончилось дело не лучше. Наконец выступил один, это был высокий, крепкий мужчина, прославленный своими воинскими подвигами, и заявил:

— Разглядывать чудище — это не значит его прогнать, тут надо действовать решительно, я вижу, что вы все сделали бабами, да притом из трусливого десятка.

Он велел принести себе латы, меч и копьё и вооружился с ног до головы. Все восхваляли его отвагу, хотя многие и опасались за его жизнь. Были распахнуты настежь ворота амбара, — и вот все увидели сову, сидевшую в это время на перекладине под самую крышей. Он велел принести лестницу, подставил ее и уже было собрался взобраться, как все закричали в один голос, чтоб он мужественно держался, и препоручили его святому Георгию, сразившему дракона. Он взобрался наверх и увидел сову, которую хотел было схватить, но сова, напуганная толпой кричавших людей и не зная, куда ей деваться, начала ворочать глазами, нахохлила перья, распустила крылья, открыла клюв и сиплым голосом закричала: «У-гу, у-гу!»

— Вперед, вперед! — орала толпа во дворе храброму герою.

— Кто стоял бы здесь на моем месте, тот не кричал бы «вперед», — ответил он им.

Правда, он поставил ногу на одну ступеньку повыше, но задрожал и, едва не лишившись чувств, пустился в обратный путь.

Не нашлось теперь никого, кто захотел бы подвергнуть себя опасности.

— Чудовище, — говорили они, — одним лишь своим дыханием отравило и ранило насмерть самого могучего из всех нас, так следует ли нам рисковать своей жизнью?

И они стали советоваться, что теперь делать, чтобы не погиб весь город. Долгое время всем казалось, что все усилия напрасны, но бургомистр, наконец, нашел выход.

— Я держусь того мнения, — сказал он, — что следует уплатить хозяину из общественных средств за этот амбар со всем тем, что в нем находится, за зерно, солому и сено, чтобы не подвергать его убыткам, а потом все здание сжечь, а заодно с ним и страшного зверя, и тогда никому не придется подвергать свою жизнь опасности. В данном случае бережливость ни к чему, а скряжничество нас до добра не доведет.

Все с ним согласилось. Амбар подожгли со всех четырех сторон, и стореда с ним заодно и несчастная сова. А кто этому не поверит, пускай отправится туда сам и обо всем людям спросит.

ТРИ СЧАСТЛИВЦА

озвал однажды отец своих трех сыновей и подарил первому петуха, второму — кошу, а третьему — кошку.

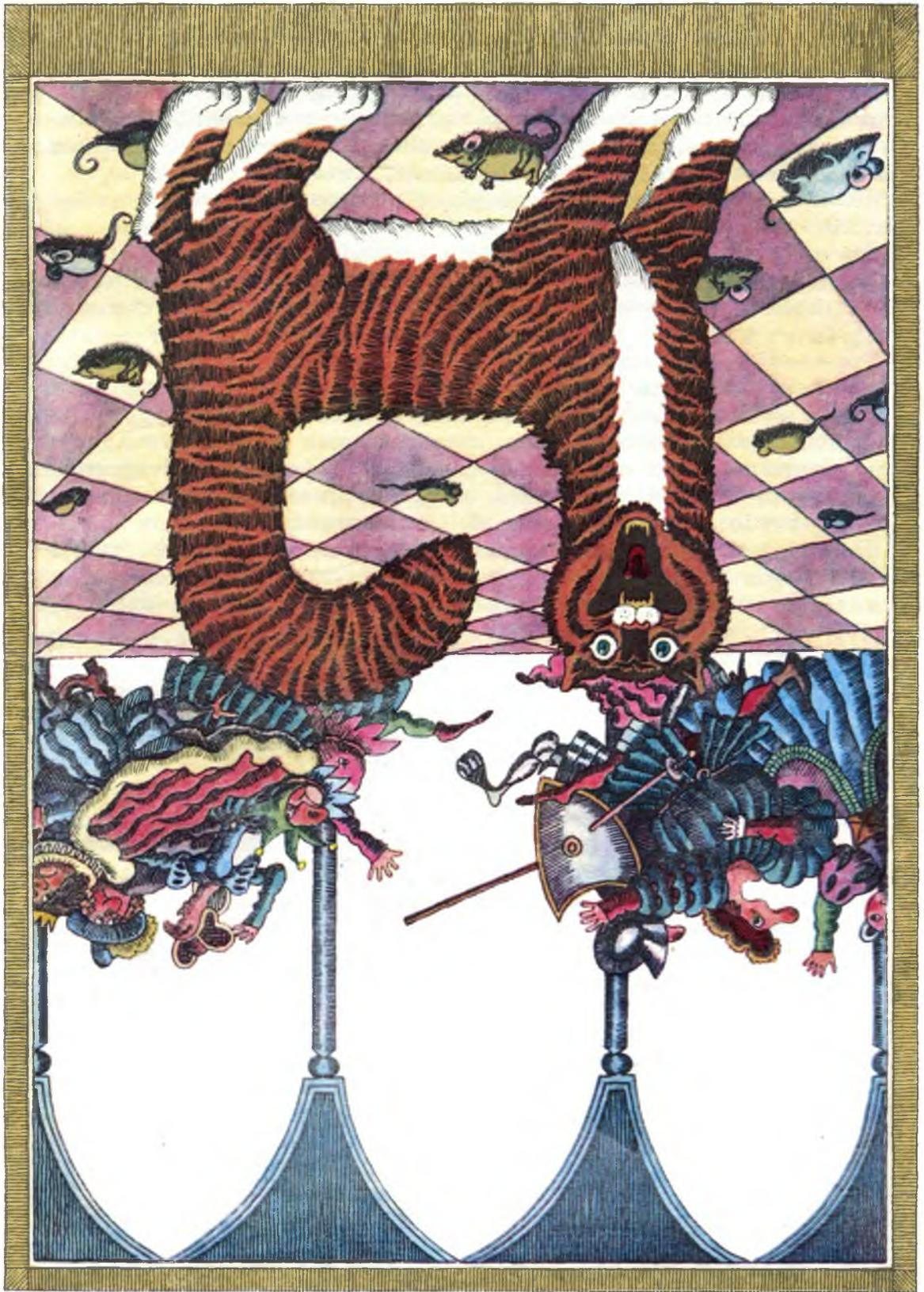
— Я уже стар стал,— сказал он,— скоро мне помирать придется, вот и хочу я вас чем-нибудь обеспечить перед своей смертью. Денег у меня нету, и то, что я вам даю, стоит будто и мало, но главное в том, чтобы с толком его применить к делу: стоит вам только найти такую страну, где подобных вещей еще не знают, и счастье вам будет обеспечено.

Отец умер, и вот старший ушел из дому со своим петухом, но куда он ни приходил, петух всюду был давно уж известен: в городах он видел его издали на башнях, где он вертелся флюгаркой под ветром на крышах; по деревням их немало горланило по дворам,— и никто, увидев его, не удивлялся, и было непохоже, чтобы благодаря петуху можно было счастье свое устроить. Но вот случилось ему, наконец, попасть на остров, где люди не только про петуха не слышали, но и времени счет вести не умели. Они, конечно, знали, когда утро, когда вечер, но если они просыпались ночью, то никто не знал, который час.

— Вот поглядите,— сказал он,— что за стройная да красивая птица. На голове у нее рубиново-красный венец, и носит она шпоры, точно какой-нибудь рыцарь; она окликает вас ночью трижды в положенное время, а когда кричит она в последний раз, это значит, что скоро взойдет солнце. А когда запоет она среди бела дня, этим указывает на верную перемену погоды.

Людям это понравилось, они решили целую ночь не спать и с великой радостью услышали, как петух отчетливо и громко пел в два, в четыре и в шесть часов, указывая время. Они спросили, не продаст ли он им петуха и сколько за него потребует денег.

— Столько золота, сколько осел дотащить сможет,— ответил он.

— И деньги-то малые за такую драгоценную птицу,— обрадовались они и охотно заплатили ему то, что он потребовал.

Воротился он со своим богатством домой; братья его удивились, и сказал средний из них:

— Пойти, что ли, и мне? Может, и я сбуду свою косу так же удачно.

Но поначалу было оно как-то на то непохоже: повсюду встречал он крестьян, и у них тоже были косы за плечами, как и у него.

Но, наконец, и ему посчастливилось попасть на остров, где люди о косе до той поры и понятия не имели. Когда у них созревали хлеба, они подвозили к полям пушки и выстрелами срезали хлеб. Но дело это было ненадежное. Одно ядро стреляло слишком далеко, другое вместо стебля попадало в колосья, и от выстрела они разлетались, и много зерен пропадало понапрасну, а кроме того, было много лишнего шума. И вот пошел средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали. Они были согласны отдать ему за эту косу все, что он потребует. И вот получил он лошадь, на которую золота навьючили столько, сколько она могла тащить.

Захотелось и третьему брату сбыть свою кошку подходящему человеку. Но и с ним, пока он ходил по нашей земле, вышло поначалу то же, что и с братьями; и ничего придумать он не мог,— повсюду кошек было так много, что новорожденных котят большей частью топили. Наконец удалось ему перебраться на один остров, и, по счастью, оказалось, что кошек там ни разу не видывали, а мышей там развелось так много и они так обнаглели, что прямо плясали по столам и скамьям, все равно — дома ли хозяин или нет. Люди очень жаловались на такое бедствие, даже сам король не знал, как спастись от них в своем замке: во всех углах пищали мыши и грызли все, что только им ни попадалось.

Вот вышла кошка на охоту и вскоре очистила несколько зал от мышей; стали люди просить короля, чтоб купил он этого чудесного зверя на пользу государству. Король охотно уплатил то, что было за нее потребовано, и дал мула, навьюченного золотом; и воротился домой третий брат с самыми большими богатствами.

Всласть наелась кошка в королевском замке мышами; передушила она их столько, что и счесть было невозможно. Наконец стало ей от такой работы жарко и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «Мяу-мяу». Испугался король, услышав такой странный крик, а за ним и придворные, и в страхе бежали они все вместе из замка. И держал король в нижнем зале совет, как быть, как лучше всего поступить. Было, наконец, решено выслать к кошке герольда и потребовать, чтобы она покинула замок, и предупредить ее, что в противном случае к ней будет применена сила.

И сказали советники, что лучше уж от мышей мучиться,— к этому злу они, мол, привычны,— чем отдавать свою жизнь на произвол такому чудовищу.

Один из пажей должен был подняться в замок и спросить у кошки, согласна ли она убраться отсюда подобру-поздорову. Но стала кошку жажда мучить пуще прежнего, и она ответила только: «мяу-мяу». А паж понял: «нет, мол, нет», и передал королю этот ответ.

— Ну,— сказали тогда советники,— в таком случае она должна будет уступить силе.— И были наведены пушки; открыли огонь, и загорелся от выстрелов замок. Когда огонь стал проникать в зал, где сидела кошка, она благополучно выскочила в окно; но осаждающие не прекращали пальбу до тех пор, пока весь замок не был разрушен до основания и не осталось от него и камня на камне.

ЧЕТВЕРО ИСКУСНЫХ БРАТЬЕВ

ил-был бедняк, и было у него четверо сыновей; вот когда они выросли, говорит он им:

— Милые дети, пора вам идти странствовать по свету,— ведь помочь вам я ни в чем не могу; собирайтесь да идите в чужие края и земли и научитесь там какому-нибудь ремеслу, а там оно уж видней будет, как себе дорогу дальше пробить.

Взяли четверо братьев дорожные посохи, попрощались с отцом и двинулись вместе к городским воротам. Прошли они часть дороги и

подошли к перекрестку, где путь расходился в четыре разные стороны. И сказал тогда старший:

— Здесь мы должны расстаться, но спустя четыре года, в этот самый день, давайте сойдемся на этом самом месте, а за это время счастья своего поищем.

И вот каждый пошел своей дорогой; и повстречался старшему на пути человек, который его спросил, куда он идет и что собирается делать.

— Хочу какому-нибудь ремеслу научиться,— ответил старший. А человек и говорит:

— Ну, ступай вместе со мной, и будешь ты вором.

— Нет,— ответил старший,— теперь уж это ремесло за честное не почитается, и песне этой— один конец; языком на колоколе в поле болтаться.

— О,— сказал человек,— виселицы тебе бояться нечего: я тебя уж так обучу, что ни один человек тебя не поймает и следа твоего не разыщет.

Уговорил он его, и стал старший благодаря ему опытным вором, да таким ловким, что ничего от него и уберечь невозможно было: что уж взять захочет, то и возьмет.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его то же самое: чему бы он хотел научиться.

— Да я еще и сам не знаю,— ответил он.

— Так ступай вместе со мной, и будешь ты звездочетом,— нет ничего лучше, и ничто от тебя не будет сокрыто.

Это ему понравилось, и стал он таким опытным звездочетом, что мастер по окончании ученья подарил ему на прощанье подзорную трубу и сказал ему так:

— В эту трубу ты сможешь увидеть все, что делается на земле и на небе, и ничто не останется перед тобою сокрытым.

А третьего брата взял к себе в обучение охотник и выучил его так хорошо всему, что относится к охотничьему делу, что сделался тот ловким охотником. Подарил ему на прощанье мастер ружье и сказал:

— Оно бьет без промаха,— во что ни нацелишься, в то и попадешь.

И младший брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил его, что он собирается делать:

— Есть ли у тебя охота сделаться портным?

— И слышать о том не хочу,— ответил юноша,— сидеть, согнувшись, с утра и до самого вечера, да водить иглой туда и сюда, да утюжить,— нет, это мне не по душе.

— Да что ты,— ответил ему человек,— дело обстоит совсем не так, как ты себе представляешь. У меня научишься ты совсем иному портняжному ремеслу, дело оно приличное, подходящее и весьма почетное.

Он уговорил юношу, и тот отправился с ним вместе и изучил портняжное дело весьма основательно. Дал портной ему на прощанье иглу и сказал:

— Ты ею сможешь сшить все, что тебе под руку подвернется, будь то мягкое, как яйцо, или твердое, как сталь; и получится так, будто сделано оно из цельного куска, и шва даже видно не будет.

Прошли четыре условленных года, и четверо братьев встретились в одно и то же время на перекрестке. На радостях они обнялись, расцеловали друг друга и воротились к своему отцу.

— Ну,— сказал обрадованный отец,— каким ветром вас опять занесло ко мне?

Они рассказали все, что с ними было и какому каждый из них выучился ремеслу. Сели они перед домом под большим деревом, а отец им и говорит:

— Ну, а теперь хочу я проверить, что каждый из вас умеет делать.

Поглядел он наверх и сказал среднему сыну:

— Вон, на макушке этого дерева, между двух веток, есть гнездо зяблика; скажи мне, сколько лежит в нем яиц?

Взял звездочет свою трубу, посмотрел наверх и ответил:

— Пять.

Говорит тогда отец старшему:

— Достань мне оттуда яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит.

Взобрался ловкий вор наверх и вытащил из-под птицы пять яиц, а она ничего и не заметила и продолжала спокойно сидеть в гнезде; и он подарил те яйца отцу. Отец взял их, положил на каждом углу стола по яйцу, а пятое положил на середину и сказал охотнику:

— Ты вот попробуй одним выстрелом расколоть все пять яиц пополам.

Приложил охотник ружье к плечу и расколол яйца так, как сказал ему отец,— все пять, притом одним выстрелом. Должно быть, порох был у него такой, что стреляет в разные стороны.

— Ну, теперь твой черед,— обратился отец к четвертому сыну,— сшей ты мне все эти яйца, а заодно и тех птенчиков, которые в них находятся, да сделай это так, чтоб от выстрела не было им никакого вреда.

Достал портной свою иглу и сшил все так, как велел ему отец. Когда он закончил, должен был вор те яйца положить снова в гнездо на дерево,— и положил он их под птицу, да так, что она этого не заметила. И вот высидела птичка все яйца, и через несколько дней вылупились из них птенцы, и на шейке у них оказалось по красной полоске, как раз там, где сшивал их портной ниткой.

— Да-а,— сказал старик своим сыновьям,— что ж, приходится вас хвалить да похваливать; время-то у вас прошло, видно, недаром, и кой чему путному вы научились; не знаю уж, кому из вас отдать предпочтение. Вот выйдет случай искусство свое показать на деле, тогда оно видней будет.

А как раз вскоре после того пошла по всей стране большая тревога, что королевну похитил дракон. Король день и ночь об этом грустил и печалился и велел объявить, что тот, кто вернет ему дочь, получит ее в жены. Говорят, тогда четверо братьев между собой: «Вот случай, когда мы могли бы себя показать». И они порешили выступить все вместе и освободить королевну.

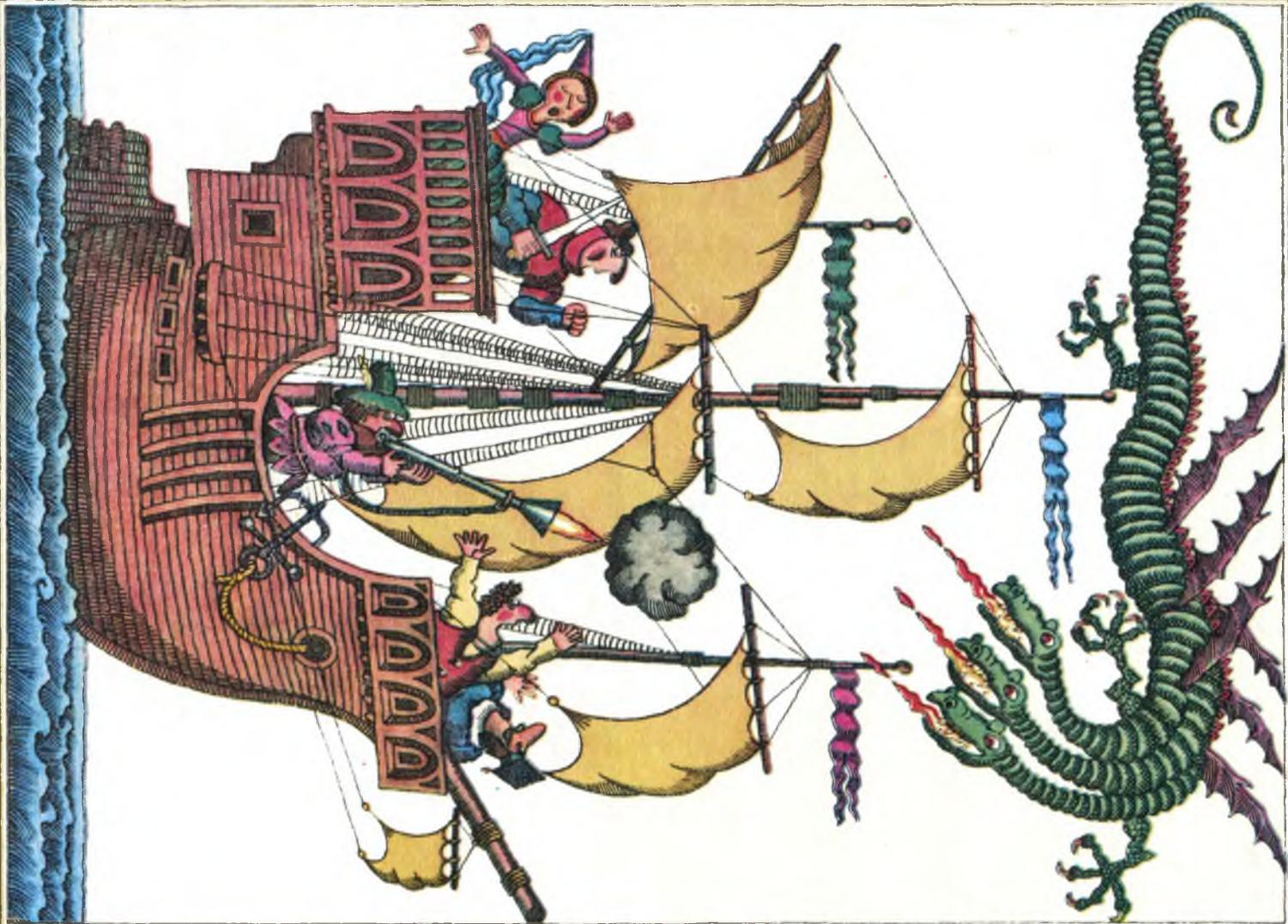
— Я скоро узнаю, где она находится,— сказал звездочет; глянул он в свою подзорную трубу и говорит:— Я уже вижу ее; она далеко отсюда, сидит она на скале посреди моря, и охраняет ее дракон.

Отправился он к королю и попросил у него корабль для себя и своих братьев; вышел он с ними в море, и подплыли они к той самой скале. И сидела на ней королевна, а у ног ее лежал, положив ей голову на колени, дракон и спал.

Охотник и говорит:

— Стрелять я не решаюсь, а то, чего доброго, можно убить прекрасную девушку.

— Тогда уж я попробую свое средство,— сказал вор, подкрался он сзади и вытащил ее из-под дракона, и сделал это так тихо да ловко, что чудовище ничего не заметило и продолжало храпеть.

Обрадовались они, поспешили сесть с ней на корабль и вышли в открытое море. Но проснулся дракон и, не найдя королевны, погнался за ними и в ярости поднялся вверх на воздух. Он кружился уже над кораблем и хотел было на него опуститься, но схватил охотник свое ружье, нацелился и выстрелил дракону прямо в сердце. Рухнуло чудовище замертво вниз, но было оно такое громадное и тяжелое, что, упав, разбило весь корабль в щепки. По счастью, им удалось схватить несколько досок, и поплыли они на них по широкому морю. И опять им угрожала большая опасность, но портной вовремя схватил свою чудесную иглу и ловко, несколькими большими стежками, сшил все доски, сел на них, а затем собрал и все остальные обломки корабля. Потом он сшил и их, да так искусно и ловко, что вскоре корабль стоял снова под парусами, и они смогли счастливо вернуться домой.

И была великая радость, когда снова увидел король свою дочь. Он сказал четверым братьям:

— Один из вас получит мою дочь в жены, но кто это будет — решайте вы сами.

Вышел тогда между братьями яростный спор, ибо каждый домогался ее получить.

Звездочет говорит:

— Если бы я не увидел королевну, то все ваше старание и уменье были б напрасны, — поэтому принадлежит она мне.

Вор сказал:

— Да какой был толк в том, что ты ее увидел, если б я не вытащил ее из-под дракона, — поэтому принадлежит она мне.

Охотник сказал:

— Вас растерзало бы чудовище заодно с королевной, если бы пуля моя не попала, — поэтому принадлежит она мне.

А портной сказал:

— Если бы я не сшил вам иглою корабль, то вы бы все потонули, — поэтому принадлежит она мне.

И вынес король такое решение:

— Каждый из вас имеет на нее равное право, и поэтому ни один из вас ее не получит, но дам я в награду каждому из вас по полкоролевства.

Братьям это решение понравилось, и они сказали:

— Лучше пусть будет так, чем быть нам между собою в раздоре.

Тогда каждый из них получил по полкоролевства, и жили они счастливо со своим отцом.

ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА

днажды, летним утром, сидел портняжка у окна на своем столе для шитья; ему было весело, и он шил изо всех сил. А проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжелой корзиной к портному на третий этаж и

стала развязывать перед ним все свои банки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и, наконец, сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и всю четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбить немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да пошлет мне бодрости и силы это варенье! — воскликнул портной, и с этими словами он достал из шкафчика хлеб, открыл себе краюху и намазал ее вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно, — сказал он, — но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, но на радостях стал шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнесся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почуяли это и целым роем слетались на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал? — сказал портной и стал прогонять незваных гостей.

Но мухи немецкого языка не понимали, они его не слушались, и их налетело еще больше. Тут у портняжки, как говорится,

терпенье, наконец, лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!» — без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец! — сказал он, и сам удивился своей храбрости. — Надо, чтоб об этом весь город узнал».

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, сточал его и большими буквами вышил на нем: «Побил семерых одним махом». «Да что город, — продолжал он рассуждать дальше, — весь свет должен об этом узнать!» — И сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясался портной поясом и собрался пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашел ничего, кроме головки старого сыра, и взял ее с собой. У ворот он увидел птицу, что запуталась в кустах; он поймал ее и тоже сунул заодно с сыром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, — а был он легок да проворен и поэтому никакой усталости не чувствовал.

Путь привел его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошел к нему, заговорил с ним и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь привольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастье, не пойдешь ли ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

— Эй ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так! — ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс, — вот, можешь сам прочесть, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идет о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать. Он взял камень в руку и сдавил его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же, — сказал великан, — если силенок у тебя хватит.

— Это и все? — спросил портняжка. — Да это для меня пустяки! — И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал ее так, что сок из нее потек.

— Ну, что, — сказал он, — пожалуй, получше твоего будет?

Великан и не знал, что ему сказать, — от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо,— сказал портной,— но камень-то ведь опять на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернется.— И он полез в карман, достал птицу и подбросил ее вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну, а это как тебе, дружище, понравится? — спросил портной.

— Бросать ты умеешь хорошо,— сказал великан,— но, посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть.— И он подвел портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал:— Ежели ты достаточно силен, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно,— ответил маленький человечек,— ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья и ветки,— это ведь будет куда потяжелей.

Великан взвалил ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток; и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить все дерево да в придачу еще и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «Трое портных подъезжало к воротам...», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжелую ношу недалеко, но дальше нести был не в силах и крикнул:

— Послушай, а дерево-то мне придется бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нес он его один, и сказал великану:

— Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишневого дерева, великан схватил его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул ее вниз, дал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать веток не смог, и когда великан их отпустил, дерево поднялось и портной взлетел вместе с ним на воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький прутик?

— Силы-то у меня хватит,— ответил портняжка,— ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я через дерево прыгнул, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

И сказал великан:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдем вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие

великаны, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый ее ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной».

Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лег и как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лег в нее, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, веселый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьет, и бросились наутек.

А портняжка двинулся дальше, куда гдаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел, наконец, во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись: «Побил семерых одним махом».

— Ох,— сказали они,— чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошел к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я за тем сюда и явился,— ответил портной.— Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнесли к портняжке недружелюбно и хотели его сбыть куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет?— говорили они между собой.— Если мы с ним поссоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться всем вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять,— сказали они,— рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтобы больше его и на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал,

раздумывал и, наконец, порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я,— подумал портняжка,— заполучить себе в жены красавицу королеву, да еще полкоролевства в придачу,— такое не каждый день выпадает на долю».

— О, да! — сказал он в ответ. — Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим провожаемым.

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один. — И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели вовсю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но, наконец, проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьешь?

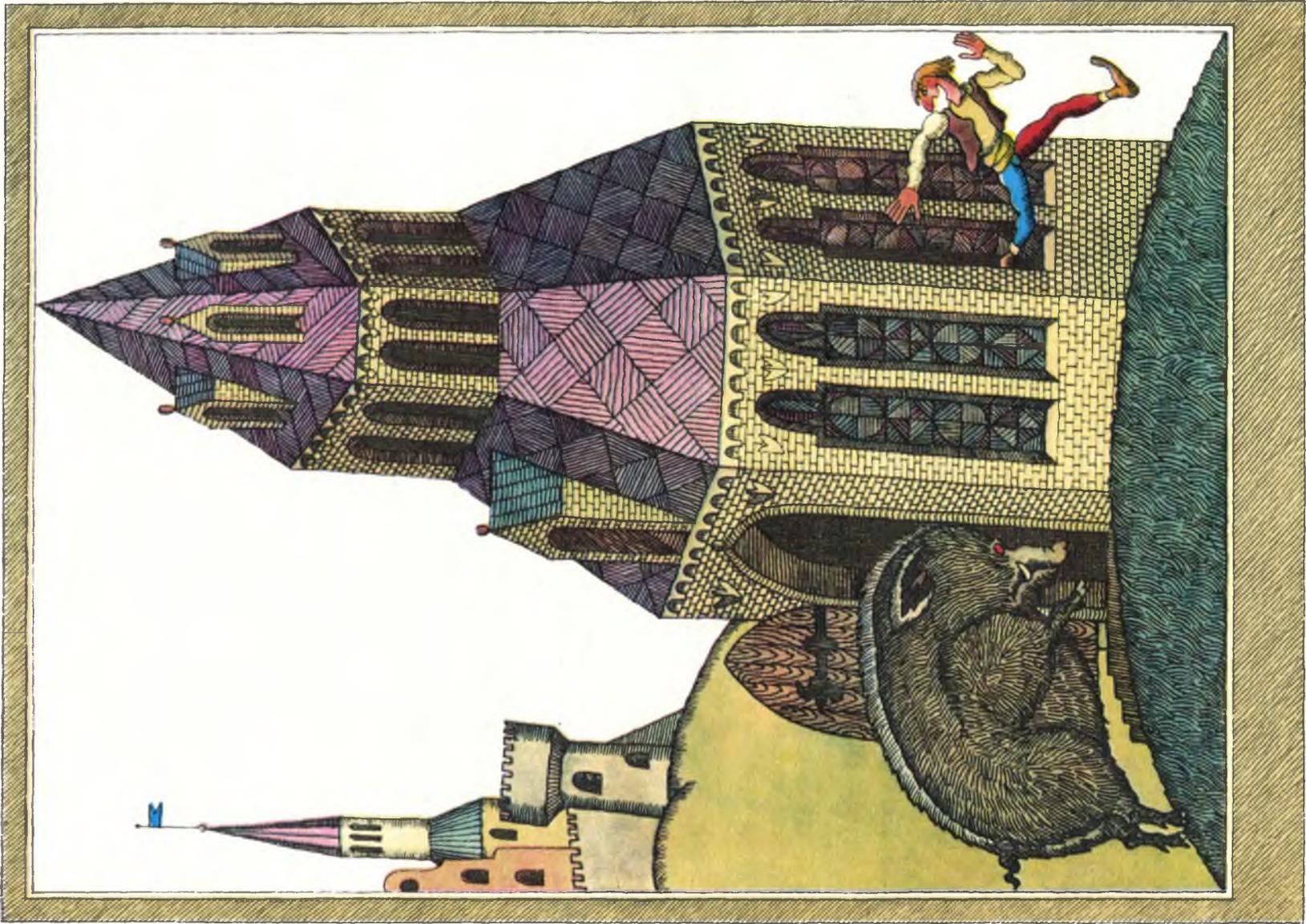
— Да это тебе приснилось,— ответил ему тот,— я тебя вовсе не бью.— И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана.

— Что это? — воскликнул второй.— Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю,— ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал свою игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур! — закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнет своего приятеля об дерево,— так оно все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

Тут портняжка спрыгнул с дерева. «Счастье еще,— сказал он,— что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне, пожалуй, прыгать, как белка, с дерева на дерево, ну, да мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из лесу к всадникам и сказал:

— Дело сделано, я прикончил обоих. Однако пришлось мне трудненько; почуяв беду, они вырывали целые деревья из земли, чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены? — спросили всадники.

— Обошлось благополучно,— ответил портной,— и волосы не тронули.

Всадники верить ему не хотели и направились в лес. Они увидали там великанов, плававших в собственной крови, а вокруг них валялись вырванные с корнем деревья.

И вот потребовал тогда портняжка от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своем обещанье и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от подобного героя.

— Прежде, чем ты получишь мою дочь в жены и полкоролевства в придачу,— сказал он ему,— ты должен совершить еще одно геройское дело. Живет в лесу единорог, он причиняет большой вред, ты должен его поймать.

— Единорога я боюсь еще меньше, чем двух великанов; семерых одним махом — дело как раз по мне.

Вот взял он с собой веревку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на подмогу, дожидаться его опять на лесной опушке. Долго ему искать не пришлось; единорог вскоре явился и кинулся прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

— Потише, потише,— сказал портной. — Этак быстро дело не выйдет!

Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдет поближе, потом он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что у него не хватило сил вытащить его назад,— так он и поймался.

— Теперь-то птичка в моих руках,— сказал портной и, выйдя из-за дерева, накинул единорогу на шею веревку, потом отрубил ему топором рог, что застрял в дереве, и, когда все было в порядке, он вывел зверя из лесу и привел его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной для свадьбы поймать ему дикого вепря, что наносит в лесу большой вред, и должны были в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно,— ответил портной,— для меня детская забава!

Егерей с собой в лес он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Когда вепрь заметил портного, то кинулся на него с пеной у рта и оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног. Но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал за ним следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул за ним дверь,— тут лютый зверь и поймался: был он слишком тяжел и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка.

Созвал тогда портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели пойманного зверя, а наш герой направился тем временем к королю; и как уж тому не хотелось, а пришлось-таки сдержать свое обещание, и он отдал ему свою дочь и полкоролевства в придачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а простой портняжка, то было бы ему еще больше не по себе. Свадьбу отпраздновали с великой пышностью да малой радостью; и вот стал портной королем.

Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как супруг ее во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдую тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик; рассказала на другое утро о своем горе отцу и стала просить его, чтобы избавил ее от такого мужа,— ведь оказался он простым портным. Стал король ее утешать и сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснет, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезен в дальние земли.

Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который все это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь,— сказал портняжка.

Вечером он улегся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увел из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

Услышали слуги, что говорит портной, охватил их великий страх, и они убежали прочь, будто гналось за ними по пятам грозное войско. И никто уже с той поры больше не отважился трогать портного.

И вот, как был портняжка королем, так на всю свою жизнь им и остался.

БРЕМЕНСКИЕ УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен,— он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она

лежала, тяжело дыша, высунув язык,— видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, отвечает собака,— старая я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что,— говорит осел,— я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступи ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет,— отвечает кот,— стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить,— вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобра-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен,— ты ведь ночные концерты устраивать большой мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел.— Что с тобой приключилось?

— Нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости придут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, Петушок — Красный Гребешок,— сказал осел,— эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен,— хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что,— ответил осел,— вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось,— сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, наконец, нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а

петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привидение, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Поужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться,— каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, все как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться,— и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтобы добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудовище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видел.

ДОМОВЫЕ

ил-был сапожник, да не по своей вине так обеднел, что остался у него напоследок всего только кожи кусок на пару башмаков. Вот выкроил он вечером башмаки, собираясь на другое утро их шить. Совесть у него была чиста, он лег спокойно в постель и уснул.

Утром, встав, хотел он было за работу приняться, глядь — стоят у него на столе башмаки, совсем готовые. Удивился он и не знал, что ему и сказать на это. Взял он башмаки в руки, чтоб получше их разглядеть. Видит — срабо-

таны они чисто, нет нигде ни единого шва неправильного, словно вышли они из-под руки мастера. А тут вскоре и покупатель явился. Башмаки ему очень понравились, и он заплатил за них больше, чем обычно, и сапожник мог на эти деньги купить кожи на целых две пары башмаков.

Вечером скроил он их, собираясь на другое утро со свежими силами приняться за работу, но делать ему этого не пришлось: встал он утром, а они стояли уже сшитые; и покупателей нашлось достаточно, и заплатили они ему так много денег, что он смог купить теперь кожи на целых четыре пары башмаков. А ранним утром нашел он все четыре пары уже сшитыми.

Так продолжалось все дальше — что ни выкроит он вечером, а к утру уж и готово, — так что в скором времени имел он свой честный заработок и, наконец, стал человеком зажиточным.

И вот как-то вечером выкроил он опять башмаки и, прежде чем ложиться спать, говорит жене:

— А что, если нам эту ночь остаться здесь да посмотреть, кто это нам такую помощь оказывает?

Жена с ним согласилась, и они зажгли свечку, а сами спрятались в углу — там, где висели платья, — и стали присматриваться.

Вот наступила полночь, и явились два маленьких красивых человечка. Сели они за сапожный столик, взяли заготовки и

начали своими пальчиками так ловко да быстро работать шилом, шить да постукивать, что сапожник и глаз не мог отвести от удивленья.

И не бросили человечки своей работы до тех пор, пока все не было закончено и башмаки стояли готовые на столе; затем они спрыгнули и быстро исчезли.

Вот и говорит жена на другое утро:

— Эти маленькие человечки принесли нам богатство; надо будет отблагодарить их за это. Они все суетятся и бегают, а сами-то раздетые, разутые, пожалуй, им холодно. Знаешь что? Сошью-ка я им рубашечки, кафтаны, жилеты и штанишки да свяжу им по паре чулочек.

А муж ей и говорит:

— Что ж, я с тобой вполне согласен.

Когда все было сшито и приготовлено, разложили они на столе вместо заготовок подарки и спрятались снова, чтоб поглядеть, что станут делать человечки с теми подарками. Ровно в полночь прискакали они и хотели было приняться тотчас за работу, но увидев, что заготовок нету, а лежат вместо них красивые платья, они сначала удивились, а потом очень обрадовались. Ловко и быстро оделись, справили на себе красивые одежды и запели:

*Теперь нам, красавчикам-мальчикам, можно
И не возиться с дратвой сапожной!*

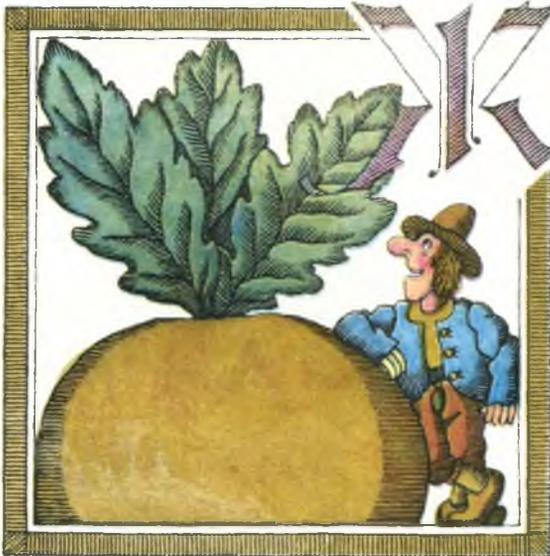
И начали прыгать, плясать и скакать через стулья и скамьи. Наконец, танцуя, подошли они к дверям и исчезли.

С той поры они больше уже не являлись, но дела сапожника пошли хорошо; и что бы он ни начинал делать, была ему во всем целую жизнь удача.

РЕПА

К или когда-то два брата. Оба служили в солдатах, и был один из них богатый, а другой — бедный. Вот задумал бедняк от бедности своей избавиться, снял он солдатский мундир и стал крестьянствовать. Вспахал он и взборонил свою полоску земли и посеял на ней репу. Зошли семена, и выросла среди реп одна такая большая да крепкая, и становилась она на глазах все толще и толще и никак не переставала расти, — и ее можно было назвать прямо королевой всех реп, потому что другой

такой на свете и видано не было, да и вряд ли можно будет когда и увидеть. Наконец стала она такой огромной, что едва уместилась на повозке, и тащить ее надо было на двух быках; и не знал крестьянин, что ему тут и делать, — к счастью ли оно вышло или к несчастью.

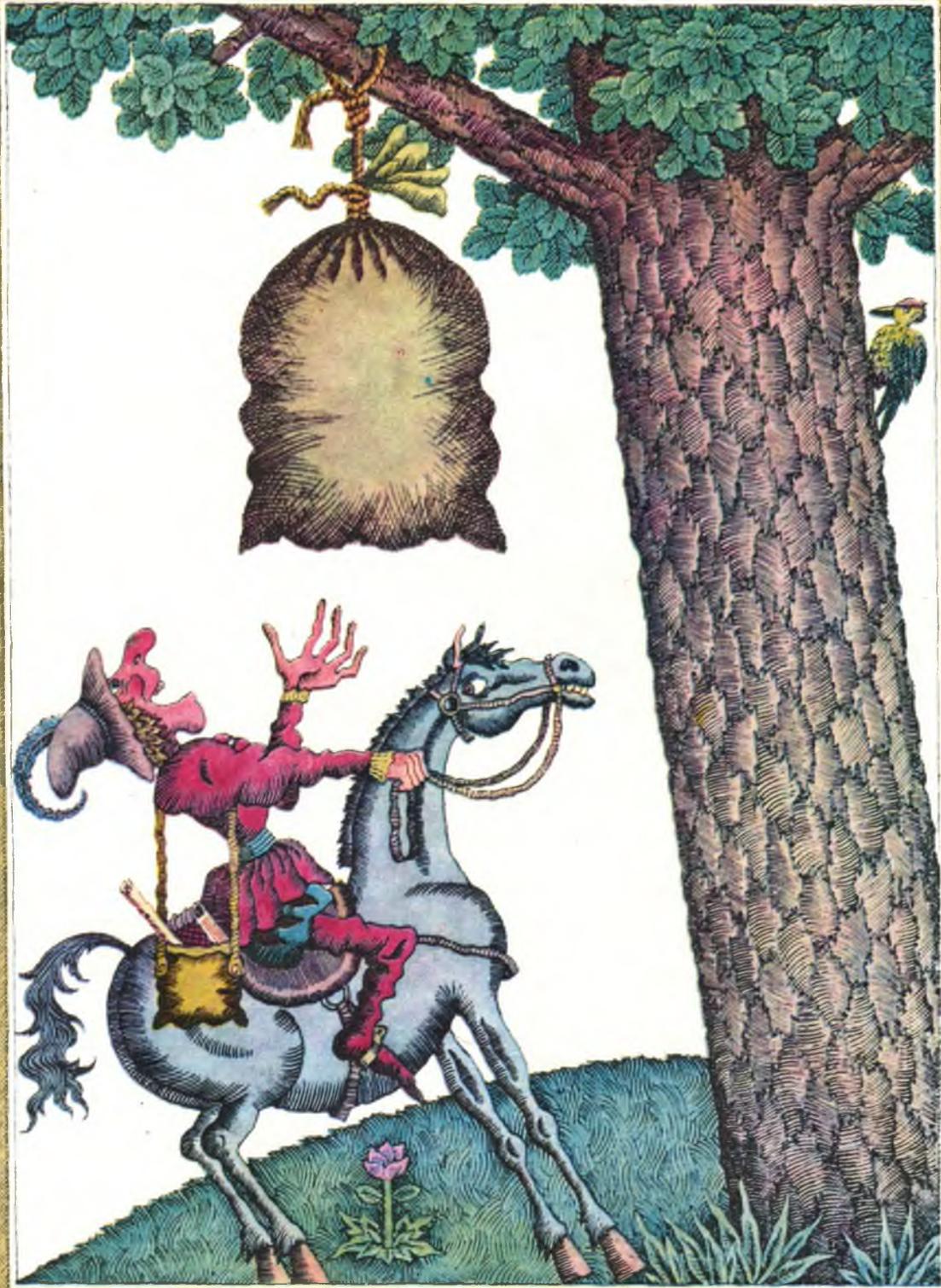
Наконец он подумал: «Если ее продать, то получишь за нее немного, а съешь сам, то ведь и от малой репы сыт будешь. Лучше всего отвезу-ка я ее королю и окажу ему этим свое уважение». Вот взвалил он ее на повозку, запряг двух быков, привез ко двору и подарил ее королю.

— Что за диковина такая? — сказал король. — Много видал я на свете чудесного, но такого чудища ни разу еще и не видывал. Из какого это семени могла она вырасти, такая огромная? Тебе, что ли, одному так повезло? Да ты, пожалуй, будешь счастливцем.

— Да нет, — ответил крестьянин, — какой же я счастливцем! Я бедный солдат; есть мне было нечего, скинул с себя я свой солдатский мундир и стал землю пахать. Есть у меня брат, тот человек богатый, и вам, господин король, хорошо известен, а я человек бедный и всем миром забытый.

И пожалел король тогда крестьянина и говорит:

— С бедностью своей ты должен покончить; я так тебя

награжу, что станешь ты равным своему богатому брату.

И он подарил ему великое множество золота, землю, луга и стада и сделал он его таким богатым, что все богатство другого брата и равняться никак не могло бы с тем, что у него теперь было. И услышал богач, что получил его брат за одну только репу, позавидовал ему и стал раздумывать, как бы это самому добиться такого счастья.

Но хотел он дело начать свое куда половчее: взял он золото да коней и привез их королю в подарок, думая, что никак уж иначе, а подарок будет ему куда больший,— ведь получил же его брат так много за одну только репу; и вот рассчитал он, что ему и не донести будет теперь домой королевских подарков.

Принял король его подарок и сказал при этом, что не сможет он ничем лучшим и редким отдариться, как этой вот огромной репой. И пришлось богачу положить репу своего брата на повозку и отвезти ее к себе домой. И не знал он, на ком выместить дома свой гнев и досаду, и пришли ему в голову злые мысли, и порешил он убить своего брата.

Нанял он убийц и велел засесть в засаду; а сам отправился к своему брату и говорит:

— Милый мой братец, знаю я одно место, где зарыт богатый клад. Давай-ка его вместе выкопаем и поровну разделим.

Бедному брату дело такое понравилось, и он пошел с ним вместе без всякой опаски. Только они вышли, как набросились на бедного брата убийцы, связали его и хотели на дереве повесить. Начали они свое злое дело, как вдруг раздалось издалека громкое пенье и послышался топот копыт. Испугались убийцы, сунули своего пленника с головою в мешок, вздернули его на сук и бросились бежать без оглядки. Хотел он из мешка высвободиться, бился-бился, пока не проделал, наконец, в мешке дырку, и просунул в нее свою голову. А проезжий тот был не кто иной, как странствующий студент, молодой парень, который распевал весело песню, проезжая по лесной дороге. Как только висевший в мешке заметил, кто это проезжает, он крикнул:

— Привет тебе, дорогой путник!

Студент оглянулся, но никак не мог понять, откуда это доносится голос; наконец он сказал:

— Кто это меня зовет?

Тогда тот, с верхушки дерева, ему и говорит:

— Погляди-ка навверх, я сижу в мешке мудрости и в короткий срок успел изучить важные вещи; перед ними все ваши школы ничего не стоят, еще повишу я немного и, научившись всему, сойду вниз и стану мудрее всех людей на свете. Я разбираюсь в звездах, и в небесных знаках, и в движенье ветров, и в песке на дне моря; я сведущ во врачеванье болезней, в силах трав и знаю всех птиц и все камни. Вот если б мог ты хоть раз побывать в этом мешке, ты бы почувствовал, какое величие проистекает из этого мешка мудрости.

Услыхав обо всем этом, студент удивился и сказал:

— Да будет благословен тот час, когда я встретил тебя! Нельзя ли и мне, хотя б ненадолго, побывать в этом мешке?

Пленник ответил ему сверху, что соглашается, дескать, на это неохотно:

— Да не надолго и за известную награду и доброе слово, пожалуй, пущу я тебя; но придется тебе часок подождать, мне еще осталось кое-чему доучиться.

Студент подождал немного, но показалось ему, что время тянется слишком долго, и он стал просить, чтобы тот пустил его в мешок поскорее,— жажда мудрости-де у него очень уж большая. Тогда тот наверху притворился, что, наконец, готов уступить его просьбе, и сказал:

— Чтобы мне выбраться из этого дома премудрости, ты должен спустить мешок по веревке вниз, тогда уж я и пущу тебя в него.

Вот студент спустил мешок вниз, развязал его, и только тот из мешка вылез, студент крикнул ему:

— Ну, а теперь подымай меня наверх, да поживей,— и хотел было уж влезть в мешок.

— Постой,— сказал ему тот,— так дело не выйдет.— И он схватил его и сунул вниз головой в мешок, затем завязал его и вздернул ученика мудрости на веревке на дерево, раскачал его в воздухе и говорит:

— Ну, каково, любезный приятель? Видишь, ты уже чувствуешь, что мудрость приливает тебе в голову и становишься ты опытней. Ну, сиди теперь смиренно, пока не станешь еще умней.

Затем вскочил он на лошадь студента и уехал, но все-таки прислал через час человека, чтобы спустить его вниз.

ВОРОНА

Кила-была некогда королева; была у нее дочка, совсем еще маленькая,— ее еще на руках носили. Однажды стала девочка капризничать, и что мать ей ни говорила, девочка никак не могла успокоиться. Потеряла мать терпенье, а летали вокруг замка в то время вороны; вот открыла она окно и сказала:

— Хоть бы ты стала вороной и от меня улетела, мне было бы тогда спокойней!

Только вымолвила она это слово, обернулась девочка вороной и выпорхнула у нее из рук прямо в окошко. Улетела

она в темный лес и оставалась там долгое время, и родители ничего о ней не знали. Спустя некоторое время проезжал через тот лес один человек, услышал он, что кричат вороны, и пошел туда, подошел ближе, а ворона ему и говорит:

— Я родилась королевной, но меня заколдовали, и ты можешь меня освободить от заклятья.

— А что же надо мне для этого сделать?— спросил он. Говорит ворона:

— Ступай дальше в лес, и увидишь там дом, сидит в том доме старуха; она предложит тебе поесть и попить, но ты этого делать не смей, а не то нападет на тебя сон и тогда ты не сможешь меня освободить. В саду за тем домом стоит большая сторожевая вышка; ты взойди на ту вышку и там меня дождись. Три дня подряд я буду являться к тебе в карете, каждый раз в два часа, и будет она запряжена сначала четверкою белых жеребцов, потом четверкой буланых, наконец четверкою вороных; и если ты будешь бодрствовать и не уснешь, я буду расколдована.

Человек пообещал выполнить все, что она пожелает, а ворона говорит:

— Ах, я уж знаю, ты меня от колдовства не освободишь, ты что-нибудь да возьмешь у старухи.

Но человек пообещал еще раз, что ничего у старухи брать не

станет, ни еды, ни питья. Когда подошел он к тому дому, вышла к нему навстречу старуха и говорит:

— Бедный вы человек, как вы истощали! Заходите и подкрепитесь, покушайте чего-нибудь да выпейте.

— Нет,— говорит человек,— я не хочу ни есть и ни пить. Но она все приставала к нему и говорила:

— Если вы есть не хотите, то отпейте хоть из этого вот стакана, ведь это все равно что ничего.

И вот она уговорила его, и он выпил. После полудня, около двух часов, вышел он в сад, взобрался на вышку и стал дожидаться ворону. Стоит он там, и вдруг такая на него напала усталость, что он не мог себя пересилить и прилег немного; но уснуть ему все-таки не хотелось. Но только он лег поудобней, как сами собой глаза у него закрылись, он заснул и спал так крепко, что ничего на свете не могло бы его разбудить.

В два часа подъехала ворона на четверке белых жеребцов, она сильно грустила и сказала:

— Я знаю, он спит.

Вошла она в сад,— так оно и оказалось: он лежал на вышке и спал. Вышла она из кареты, подошла к нему, стала его расталкивать, окликнула, но он не проснулся.

На другой день в полдень явилась опять старуха, принесла ему еды и питья, но он не хотел их брать. Она не давала ему покоя и уговаривала его до тех пор, пока он не хлебнул из стакана. Около двух часов вышел он в сад, поднялся на вышку и стал ждать ворону, но вдруг он почувствовал такую усталость, что устоять был не в силах; он ничего не мог поделывать, захотелось ему лечь, и его одолел глубокий сон.

Явилась ворона на четверке буланых коней, была она в великой печали и молвила:

— Я знаю, он спит.

Взошла она к нему на вышку, где он лежал, но не могла его никак разбудить. На другой день говорит ему старуха:

— Что это такое? Ты не ешь ничего и не пьешь, неужто ты умирать задумал?

Он ответил:

— Я есть и пить не хочу и не смею.

Но она поставила перед ним блюдо с едой и стакан вина. Услыхал он запах, не мог удержаться и хлебнул большой глоток. Пришло время, и вышел он в сад, на вышку, и стал дожидаться королевну; а был он еще больше утомлен, чем в те дни, лег на землю и уснул, да так крепко, точно весь окаменел.

В два часа явилась ворона; приехала она на четверке вороных жеребцов, в черной карете и вся в черном. И была ворона совсем уже в глубокой печали и сказала:

— Я знаю, он спит и освободить меня не сможет.

Пришла она к нему, а он лежит и спит крепким-крепким сном. Толкнула она его, окликнула, но разбудить не могла. Положила

она тогда рядом с ним хлеб и кусок мяса, а на третье бутылку вина, чтоб он мог поесть и выпить столько, сколько бы захотел, а пища и вино не уменьшались бы. Потом сняла она с пальца золотое кольцо и надела ему на палец, а было на том кольце ее имя вырезано. Оставила она ему и письмо, было в нем перечислено, что она ему принесла, и сказано, что пища и питье никогда не будут уменьшаться; и было в этом письме еще написано: «Я вижу, что ты освободить меня здесь не сможешь; если хочешь освободить, то приходи в золотой замок Стекло́нной горы,— сделать это в твоей власти, я знаю это наверняка». Положила она все это, села потом в карету и поехала в золотой замок Стекло́нной горы.

Он проснулся, видит, что спал, и стало ему на сердце грустно, и он сказал:

— Видно, она только проехала мимо, а я ее не освободил.

Вдруг он заметил — что-то лежит около него; он прочитал письмо, и было в нем написано, как все случилось. Вот поднялся он и направился к золотому замку Стекло́нной горы, но он не знал, где тот замок находится. Странствовал он по свету долгое время и попал, наконец, в темный лес. Шел он тем лесом целых четырнадцать дней и никак не мог из него выбраться. Однажды к вечеру он так устал, что лег под кустом и уснул. На другой день двинулся он дальше, а под вечер собрался снова прилечь под кустом,— и вдруг услышал вой, плач, и никак не мог уснуть. Был час, когда люди зажигают свет, и он увидел, что где-то вдали светится огонек; он поднялся и пошел ему навстречу; он пришел к какому-то дому, и дом показался ему совсем крошечным оттого, что перед ним стоял великан. Подумал он: «Если войти в этот дом, великан меня заметит и можно легко своей жизнью поплатиться». Но, наконец, он решился и вошел. Увидал его великан и говорит:

— Это хорошо, что ты явился, я давненько уже ничего не ел. Я проглочу тебя на ужин.

— Посмотрим,— сказал человек,— я не так-то легко дам себя проглотить. Если ты хочешь есть, то еды у меня вдосталь, чтоб тебя накормить досыта.

— Если это правда,— сказал великан,— можешь спокойно оставаться; я хотел съесть тебя потому, что у меня нет ничего другого.— Они пошли, подсели к столу, и он достал хлеб, вино и мясо, и сколько они ни ели и ни пили, всегда оставалось столько же.

— Это мне нравится,— сказал великан и ел сколько влезет. Потом человек ему говорит:

— Не можешь ли ты мне сказать, где находится золотой замок Стекло́нной горы?

Великан сказал:

— А я посмотрю по своей карте, на ней можно найти все города и деревни и все дома.

Принес он полевую карту, что была у него в комнате, и стал искать на ней замок, но на карте такого замка не было.

— Это ничего,— сказал великан,— есть у меня в шкафу наверху еще карты побольше, посмотрим по ним.— Но и на них замка не оказалось.

Собрался человек идти дальше; но великан стал его просить остаться еще день-другой у него, пока не вернется домой его брат, который ушел на поиски пищи. Воротился домой брат великана, и стали они его спрашивать, где находится золотой замок Стекло́нной горы; тот ответил:

— Вот как поужинаю да наемся, поищу его на карте.

Вошли они вместе с ним в его горницу и стали искать на его карте, но замка такого найти никак не могли. Принес тогда брат великана другие старинные карты, стали они искать по тем картам; искали-искали, пока, наконец, не нашли золотой замок Стекло́нной горы, но был он за много тысяч миль отсюда.

— А как же мне туда попасть?— спросил человек.

Великан и говорит:

— Есть у меня два часа свободного времени, я готов отнести тебя почти до самого замка, а потом мне надо будет домой возвращаться и кормить грудью ребенка, который у нас живет.

Понес великан человека, и оставалось до замка сто часов ходу, вот он и говорит:

— Остальную часть дороги ты пройдеши без труда и сам.

Повернул потом великан назад, а человек пошел дальше, и шел он день и ночь, пока, наконец, не пришел к золотому замку Стекло́нной горы. Этот замок стоял на горе из стекла, и заколдованная девушка объехала вокруг него в своей карете, а затем вошла туда. Увидел он ее, обрадовался и хотел было взобраться к ней, наверх, но как ни старался, а все по стеклу вниз скатывался. Понял он, что ему к ней не добраться, крепко запечалился и молвил про себя: «Останусь-ка я тут внизу и стану ее дожидаться». Построил он себе хижину, просидел в ней целый год и каждый день глядел на королевну, как ездил она там наверху, но наверх к ней взобраться он никак не мог.

Заметил он однажды из своей избушки, как бились между собой трое разбойников-великанов, и подумал: «Надо поглядеть, что эти трое задумали».

Он подошел к ним и спрашивает, почему они между собой дерутся. И сказал один из великанов, что нашел он-де палку, такую, что если ею ударить в дверь, то дверь разлетится; другой великан сказал, что нашел он такой плащ, что если его на себя накинуть, то станешь невидимкой; а третий сказал, что поймал он такого коня, что всюду на нем можно проехать и даже на Стекло́нную гору взобраться. И вот не знают они теперь, как им быть — оставаться ли им вместе или разойтись. Тогда человек сказал:

— Хотел бы я у вас эти три вещи выменять; хотя денег у меня нету, но зато имеются у меня другие предметы, что будут

подороже всяких денег. Но я должен сперва вашу находку испытать, чтоб узнать, правду ли вы говорите.

И они позволили ему сесть на коня, набросили на него плащ и дали ему в руки палку; только он все это получил, как стал вмиг невидимкой. Ударил он разбойников со всего маху и крикнул:

— Ну, медвежатники, получайте теперь, что вам следует! Вы этим довольны?

Потом въехал он на коне на Стеклянную гору и был уже перед самым замком — но замок был закрыт. Ударил он палкой в ворота, они вмиг распахнулись, он вошел туда, поднялся по лестнице наверх и вошел в зал; сидела там девушка, а перед нею стояла золотая чаша с вином. Девушка не могла его заметить, оттого что был он укутан плащом. Он подошел к ней, снял с пальца кольцо, что она когда-то ему подарила, бросил его в чашу, и оно на дне зазвенело. И она воскликнула:

— Это мое кольцо! Значит, и тот человек, который меня освободил от заклятья, должен здесь находиться.

Стали его искать по всему замку, но нигде не нашли; он вышел, сел на коня и сбросил с себя плащ. Вот подошли к воротам, и все увидели его и от радости закричали. Тогда он сошел с коня и обнял королевну; а она поцеловала его и сказала:

— Теперь ты меня освободил от злых чар, завтра мы отпразднуем нашу свадьбу.

ШЕСТЕРО ВЕСЬ СВЕТ ОБОЙДУТ

Кил-был на свете человек, и был он на все руки мастер; служил он на войне и был смел и отважен, но как кончилась война, получил он отставку да три гроша харчевых на дорогу. «Постой,— сказал он,— это мне не очень-то нравится. Найду-ка я нужных людей— вот и отдаст мне, пожалуй, король все сокровища целой страны».

И отправился он разгневанный в лес и увидел там человека; и вырвал тот человек с корнем шесть деревьев, точно были это соломинки какие. И говорит он ему:

— Хочешь стать моим слугой и везде следовать за мной?

— Ладно,— ответил тот,— но вот отнесу я сперва матери вязанку хвороста,— и он взял одно из деревьев, связал им остальные пять, взвалил их на плечи и понес домой.

Затем он вернулся и пошел вместе со своим хозяином, а хозяин ему и говорит:

— Мы с тобой весь свет обойдем.

Прошли они немного, и повстречался им на пути охотник; стоял он, опустившись на колено, и, приложив ружье, целился. И говорит ему хозяин:

— Охотник, ты что, стрелять собираешься?

Тот ему ответил:

— В двух милях отсюда сидит на ветке дуба муха,— вот и хочу я прострелить ей левый глаз.

— О, раз так, то ступай вместе со мной,— сказал человек. — Если мы будем втроем, то весь свет обойдем.

Охотник согласился и пошел за ним; и пришли они к семи ветряным мельницам; их крылья быстро вертелись, а ветер не дул ни слева, ни справа, даже листок на дереве, и тот не шевелился. Вот человек и говорит:

— Не понимаю, как движутся эти мельницы, ведь и ветерка-то нету.— И он двинулся дальше со своими слугами; прошли они

две мили и увидели человека на дереве; он прижал одну ноздрю, а дул в другую.

— Послушай, что это ты там наверху делаешь?— спросил его человек.

А тот и говорит:

— Да вон в двух милях отсюда стоят семь мельниц, ну вот я и дую на них, а они и вертятся.

— О, раз так, то ступай за мной,— сказал человек.— Если будем мы вчетвером, то весь свет обойдем.

Тот слез с дерева и пошел с ними вместе; а вскоре увидели они еще одного; стоял он на одной ноге, а другую отстегнул и положил около себя.

Вот хозяин и говорит:

— Ты, однако, удобно на отдых расположился.

— Я скороход,— ответил тот,— а чтоб не бежать очень уж быстро, я одну ногу и отстегнул; а то, ежели побегу я на двух, то будет, пожалуй, побыстрей, чем птица летит.

— О, раз так, то ступай за мной. Если будем мы впятером, то весь свет обойдем!

И пошел скороход вместе с ними; вскоре повстречали они человека,— а у того шапочка еле на голове держится, на самое ухо надвинута. Вот хозяин ему и говорит:

— Красиво, что и говорить, красиво! Поправь шапку-то, а то совсем дураком выглядишь.

— Этого никак сделать нельзя,— ответил тот.— Если надвину я шапку прямо, то наступит такой сильный мороз, что все птицы поднебесные на лету позамерзнут и упадут замертво на-земь.

— О, раз так, то ступай за мной!— сказал хозяин.— Если будем мы вшестером, то весь свет обойдем!

И пришли они все шестеро в город. А король объявил там во всеобщее сведенье, что тот, кто согласится бежать с его дочерью взапуски и в этом деле выйдет победителем, тот и станет ее мужем, но кто окажется побежденным, тому голову с плеч долой. Явился тогда человек и говорит:

— Я выставлю за себя своего слугу, он за меня побежит.

Король ответил:

— Раз так, ты должен отдать мне в залог и его жизнь; и если победит моя дочь, то не сносить вам обоим головы на плечах.

Так они и сговорились и порешили; пристегнул тогда человек скороходу вторую ногу и говорит ему:

— Ну, будь попроворней и помоги одержать нам победу.

А было сговорено, что кто первый принесет воду из дальнего колодца, тот и будет победителем. Вот получили скороход с королевной по кружке и пустились бежать взапуски. Пробежала королевна совсем небольшое расстояние, а скороход уже из виду скрылся,— помчался точно ветер. Вскоре добежал он до ко-

лодца, набрал полную кружку воды и повернул назад. На обратном пути напала на него усталость, и поставил он кружку, а сам лег на землю и уснул. Но вместо подушки положил он себе под голову конский череп, чтоб спать было жестко и чтоб поскорее проснуться. А королевна, та тоже бегать умела хорошо, но так, примерно, как всякий человек бегать умеет. И вот прибежала она к колодцу и поспешила с полной кружкой воды назад. Заметив, что скороход лежит и спит, она обрадовалась и говорит:

— Теперь-то соперник в моих руках,— выплеснула она воду из его кружки и помчалась дальше.

Тут бы все и пропало, если бы зоркий охотник, по счастью, не стоял на башне замка и не заметил бы всего, что случилось. И сказал он:

— А все ж королевне победить нас не придется,— и зарядив свое ружье, он выстрелил так метко, что выбил конский череп из-под головы скорохода, не причинив ему никакого вреда.

Проснулся скороход, вскочил и увидел, что кружка его пуста и что королевна далеко его обогнала. Но он не растерялся, бросился с кружкой снова к колодцу, зачерпнул воды и прибежал все же на десять минут раньше королевны.

— Вот,— сказал он,— только сейчас я и расправил как следует ноги, а раньше разве это был бег!

И стало королю обидно, а еще больше того королевне, что какой-то простой отставной солдат может теперь увезти ее из дому. Посоветовались они между собой, как избавиться им от него, а заодно и от его товарищей; и сказал король королевне:

— Не бойся, средство такое я нашел; они домой не вернуться.

И обратился он к ним с такими словами:

— Теперь надо будет всем вам вместе повеселиться, поест да выпить как следует,— и повел он их в комнату, а пол в ней был весь железный, двери были тоже железные, и на окнах были железные прутья. И был в комнате той накрыт стол, и стояли на нем разные вкусные яства; и сказал король:

— Добро пожаловать! Наслаждайтесь в свое удовольствие!

Только они туда вошли, велел король закрыть за ними двери на замки и на засовы. Затем он велел позвать повара и приказал ему развести огонь под комнатой, и чтоб горел он до тех пор, пока железо не раскалится докрасна. Так повар и сделал,— и согрелись шестеро как следует, пока за столом сидели, и подумали они, что это от еды стало им так жарко; но когда жара становилась все больше и больше и им захотелось выйти из комнаты, они увидели, что все двери и окна заперты,— видно, король задумал что-то недоброе и порешил их удушить.

— Но это ему не удастся,— сказал тот, на котором была шапчонка,— я нагоню такой холод, что никакой жар перед ним не устоит.— И он надел свою шапчонку прямо — и настал такой мороз, что всякая жара вмиг исчезла, и кушанья на блюдах начали подмерзать.

Прошло два часа, и король подумал, что они от жары уже погибли, и велел тогда открыть двери, чтоб самому на тех шестерых посмотреть. Открылась дверь, и увидел он, что все живы и здоровы да еще говорят, что им приятно было бы выйти наружу погреться, что мороз-де в комнате такой, что замерзает даже еда на блюдах.

Тогда разгневанный король спустился вниз к повару, стал его ругать на чем свет стоит да спрашивать, почему он не исполнил того, что было ему велено.

Но повар ответил:

— Жару-то ведь было довольно, вот поглядите хоть сами.

Глянул король и увидел, что под железной комнатой пылает сильный огонь; тут-то и понял король, что с этими шестерыми таким способом ничего не поделаешь.

И стал король думать да раздумывать снова, как ему от недобрых гостей избавиться. Призвал он главного из них и говорит:

— Хочешь, я дам тебе золота, сколько угодно, а ты откажись от моей дочери.

— О, я согласен, господин король,— ответил тот,— дайте мне золота столько, сколько слуга мой сможет донести, и я требовать вашей дочери не стану.— Королю это понравилось, а тот и говорит:

— Ну что ж, приду я за ним спустя две недели.

Тогда он созвал всех портных со всего королевства, и должны они были сидеть две недели подряд и шить мешок. А когда его сшили, то должен был тот силач, что деревья с корнем выворачивал, взять его на плечи и идти с ним к королю. И спросил король:

— Что это за силач, который может тащить на своих плечах целую грудку полотна? — Испугался и подумал: «Сколько же золота он утащит?»

И он велел принести целую бочку золота, несли его шестнадцать самых сильных людей королевства,— а силач сунул золото одной рукой в мешок и говорит:

— Чего же вы больше-то не принесли, этим ведь и дно мешка не покроешь.

Тогда велел король перетащить сюда мало-помалу всю свою казну. Силач и ее засунул в мешок, но и после того он не наполнился даже наполовину.

— Тащите побольше!— кричал он.— А то этими крохами ничего не наполнишь.

И собрали тогда со всего государства семь тысяч повозок золота; но все это, заодно с запряженными в них быками, засунул силач в свой мешок.

— Чего тут разглядывать,— сказал он,— надо брать все, что под руку попадется, а то этак и мешка не наполнишь.

Сунул все это он в мешок, а в нем еще немало места пустого осталось. Вот он и говорит:

— Ну, дело, однако ж, надо кончать, ведь мешки завязывают иной раз, когда они бывают и неполные.— И он взвалил мешок себе на спину и ушел вместе со своими товарищами.

Увидел король, что один человек унес все богатство целой страны, разгневался и велел своим всадникам сесть на коней, догнать шестерых и отнять у того силача мешок. И вот два полка их вскоре нагнали, и крикнули всадники:

— Сдавайтесь в плен; бросайте мешок с золотом на землю, а не то мы вас всех перебьем!

— Да что вы говорите? — сказал тот, кто в ноздрю здорово дуть умел. — Это мы-то сдадимся в плен? Скорей вы у нас все в воздухе заплаете,— и он зажал одну ноздрю и дунул в другую, да прямо на оба конных полка,— и рассыпалась конница и разлетелась по воздуху над горами, над долинами во все стороны.

Один из фельдфебелей закричал, прося о пощаде, стал объяснять, что ранен уже девять раз, и солдат-де он исправный, и оскорбленья такого никак не заслужил. Тогда тот стал дуть чуть потише, и фельдфебель благополучно спустился на землю; и сказал он фельдфебелю:

— Ну, а теперь возвращайся домой к королю да скажи ему, пускай вышлет конницы еще больше, я и ту по воздуху всю размечу.

Услыхал о том король и сказал:

— Пусть они поскорей убираются, тут что-то неладное.

И вот принесли шестеро все богатства к себе домой, поделили их поровну и стали жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

ПОДЗЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

ил-был некогда богатый король, и было у него три дочери; они каждый день гуляли по замковому саду, а король был такой большой любитель всяких плодовых деревьев, что объявил, что всякого, кто сорвет хоть одно яблоко с дерева, он силой заклятья упрячет на сто сажень под землю. Вот наступила осень, и стали яблоки на одном из деревьев красные, точно кровь. А три королевские дочери гуляли каждый день под деревом и смотрели, не стряхнет ли ветром хоть одно яблоко,—ведь за всю

свою жизнь они не нашли ни одного, которое бы упало,—а дерево чуть не ломилось от яблок, и ветки его пригнулись до самой земли. И вот очень уж захотелось младшей королевне съесть яблочко, и сказала она своим сестрам:

— Наш отец нас очень любит, и вряд ли он выполнит свое заклятье; я думаю, что это относится только к чужим людям.— И она сорвала самое крупное яблоко, и, подбежав к своим сестрам, сказала:

— Вот, отведайте, милые сестрицы, хотя бы кусочек! Я за всю свою жизнь не ела никогда такого вкусного яблока.

И откусили обе старшие королевны по куску яблока, и все трое тотчас опустились под землю, да так глубоко, что не слышать было и петушиного крика.

Вот наступил полдень, и король собрался уже идти к столу, но дочерей нигде найти не мог; он долго искал их и в замке и в саду, но все понапрасну. Он был так опечален, что приказал объявить по всей стране, что тот, кто найдет его дочерей, возьмет любую из них себе в жены. И много тогда молодых людей пустились на поиски, так как трех королевских дочерей все очень любили,—были они ко всем ласковы, да лицом к тому же очень красивы. Среди прочих были три молодых охотника, и, проездив целую неделю, прибыли они к большому замку, а в замке том

были красивые комнаты, и в одной из них был накрыт стол; стояли на нем разные вкусные яства, и все они были горячие, и шел от них еще пар, хотя во всем замке не было слышно и видно ни одной человеческой души. Просидели они там, дожидаясь, целых полдня, а кушанья все оставались горячими, и от них шел пар; они так проголодались, что сели и начали есть, да порешили между собой остаться жить в этом замке и кинуть жребий, кому в доме остаться, а кому ехать вдвоем на поиски королевских дочерей; так они и сделали; и выпал жребий остаться в замке старшему. На другой день двое младших отправились на поиски, а старший остался дома. Вдруг является в полдень маленький человечек и начинает его просить дать ему кусочек хлеба; взял тогда старший охотник хлеб, отрезал целый ломоть и подал ему, но маленький человечек его уронил и попросил, чтобы тот был так добр и подал ему этот кусок хлеба. Он согласился, и вот, когда он нагнулся за хлебом, маленький человечек взял палку, схватил его за волосы и стал бить.

На другой день дома пришлось оставаться среднему — и с тем случилось то же самое. Вернулись охотники вечером домой, а старший и спрашивает среднего:

— Ну, как поживаешь?

— Ох, очень хорошо! — Стали они тогда рассказывать один другому про свою беду, но младшему ничего о том не сказали, — они его не любили и всегда называли глупым Гансом, потому что он был не такой, как они.

На третий день дома оставаться пришлось младшему, и снова явился маленький человечек и стал просить дать ему кусочек хлеба; дал Ганс ему хлеба, а тот его снова уронил и стал просить, чтобы был он так добр и поднял бы кусок хлеба. Но младший сказал маленькому человечку:

— Что? Разве ты сам не можешь его поднять? Если ты не хочешь позаботиться о своем хлебе насущном, то ты не достоин его и есть.

Разозлился тогда человечек и сказал, что он должен ему поднять хлеб, но Ганс, не будь ленив, схватил человечка того за шиворот и здорово его отколотил. Стал тогда человечек кричать изо всех сил:

— Не бей меня, отпусти ты меня, — скажу я тебе тогда, где находятся королевны!

Услыхал это Ганс и перестал его бить. И рассказал ему тот человечек, что живет он, мол, под землей и что там их больше тысячи, и предложил ему идти вместе с ним, обещая ему указать, где находятся королевны. Привел он его к глубокому колодцу, но воды в нем не было. Рассказал ему человечек, что он доподлинно знает о том, что его приятели злое против него замышляют и что если он хочет освободить королевен, то должен сделать это один; что и его спутники тоже хотят отыскать королевен, но хотят они это сделать, не прилагая усилий и избегая опасностей; что дол-

жен он взять большую корзину, сесть в нее, взять с собой колокольчик и большой охотничий нож и спуститься вниз; а внизу находятся три комнаты, и в каждой из них сидит по королевно, а возле каждой из них лежит многоголовый дракон, и должен он тем драконам все головы отрубить.

Рассказал все это подземный человечек и исчез.

Наступил вечер, и вернулись два охотника и стали у него спрашивать, как ему дома пришлось, и он ответил, что было очень хорошо,— никаких людишек он не видел, а вот в полдень приходил-де маленький человечек, кусочек хлеба просил; и хлеба он ему дал, но тот человечек его уронил и стал просить, чтоб он его поднял и подал ему; но он сделать этого не захотел, и стал тогда человечек его бранить, а он его хорошенько отколотил, и человечек тогда ему рассказал, где находятся королевны. Услышав о том, оба охотника так разозлились, что от злости прямо пожелтели да позеленели. На другое утро пошли они все к колодцу и бросили жребий, кто первый должен спуститься туда в корзину; и выпал жребий опять старшему. Сел он в корзину, взял с собой колокольчик и говорит:

— Когда я позвоню, тащите меня быстро наверх.

Только он начал спускаться, как зазвонил колокольчик, чтоб тащили его наверх. Тогда сел в корзину средний, но и с ним было то же. Вот наступил черед младшему, и спустили его на самый низ. Вышел он из корзины, взял свой большой охотничий нож, подошел к первой двери, остановился и стал прислушиваться; и услышал он, что дракон громко храпит. Тогда он медленно приоткрыл дверь, видит — сидит в комнате одна из королевен, а девятиглавый дракон положил головы ей на колени и стережет ее. Взял он тогда свой большой охотничий нож и отрубил смаху все девять голов. Тут королева вскочила и бросилась ему на шею, стала его обнимать и целовать; и сняла она с груди свое ожерелье,— а было оно из червонного золота,— и надела ему на шею. И отправился он затем за второй королевной. Ее тоже стерег дракон с семью головами, и освободил он ее так же, как и младшую, которую сторожил дракон с четырьмя головами, и отрубил ему головы тоже. И стали они все его расспрашивать, обнимать и целовать без конца. Затем он стал звонить в колокольчик, пока его не услышали. И посадил он трех королевен одну за другой в корзину и велел всех их тащить наверх. Но пришел черед и ему наверх подыматься; тут он вспомнил слова подземного человечка, что приятели его замышляют против него недоброе. Взял он тогда большой камень, что лежал на дне колодца, и положил его в корзину; но когда корзина поднялась до середины, обрезали коварные охотники веревку, и упала корзина с камнем на дно колодца, и подумали они, что он разбился, и убежали с тремя королевнами, взяв с них обещанье, что они скажут своему отцу, что освободили их, дескать, они. Вот пришли они к королю и стали его просить отдать им дочерей в жены.

А тем временем молодой охотник бродил, грустный и печальный, по трем комнатам, думая, что придется ему тут и помирать. Вдруг видит он — висит на стене флейта, и сказал он: «Зачем ты висишь здесь на стене, кому тут может быть весело?» Поглядел он на головы драконов и промолвил: «И вы тоже помочь мне ничем не можете». Расхаживал он по комнатам так долго, что весь земляной пол утоптал. Наконец пришли ему в голову другие мысли, и он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками. Стали все они его спрашивать, чего он хочет, и он им ответил, что хотелось бы ему снова вернуться на землю, на белый свет поглядеть; и подхватили тогда они его, и каждый схватил его за один волос на голове, и так они его за волосы наверх из колодца и вытянули.

Когда он очутился на земле, то счастливо добрался к королевскому замку, где как раз в это время должна была состояться свадьба одной из королевен, и он направился прямо в комнату, где находился король с тремя дочерьми. Увидев его, они упали на пол без чувств. Разгневался король и велел посадить его тотчас в темницу, думая, что он причинил зло его дочерям. Но когда королевны снова очнулись, они стали просить своего отца, чтобы он освободил его из темницы. Король их спросил, почему они просят его об этом, и они ответили, что не смеют ничего о том рассказывать. Тогда он велел, чтобы они рассказали о том печке. Вышел он из комнаты и стал у дверей подслушивать, и так узнал он обо всем. Велел он тогда тех двух охотников повесить, а третьему отдать свою младшую дочь в жены.

И надел я на свадьбу стеклянные башмаки, да споткнулся о камень, и — дзынь! — пришел им капут.

СЕМЕРО ШВАБОВ

обрались раз семеро швабов вместе, один из них был господин Шульц, другой Яккли, третий Марли, четвертый Йергли, пятый Михаль, шестой Ганс, а седьмой был Вейтли; и все семеро порешили весь свет обойти, поискать приключений и великие подвиги совершить. А чтоб идти вооруженными без опаски, они посчитали, что надежней всего будет заказать себе одно копьё на всех, да зато подлинней и покрепче. Взяли они все семеро это копьё, и выступил вперед самый храбрый и отважный — был то, ко-

нечно, господин Шульц, а следом за ним шли один за другим все остальные, а последним был Вейтли.

И случилось так, что однажды, в июле месяце, сделали они большой переход, и им осталось пройти еще немалое расстояние до деревни, где они должны были заночевать, как вдруг в сумерках пролетел мимо них, злобно жужжа, большой навозный жук, а может быть, шершень. Господин Шульц так испугался, что чуть было не выронил копьё, и от страха у него по всему телу выступил пот.

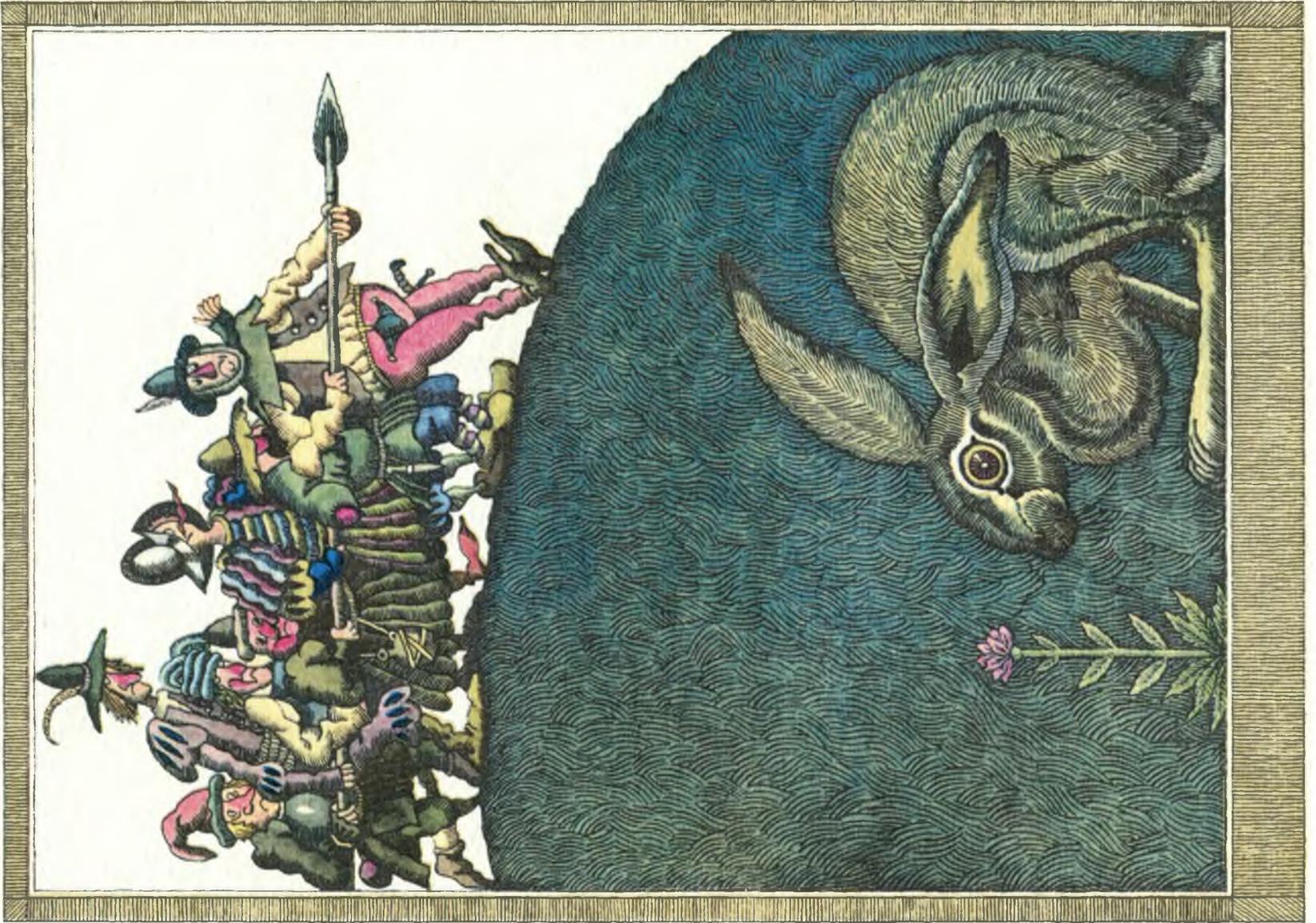
— Вслушайтесь, вслушайтесь! — крикнул он своим товарищам. — Я слышу звук барабана!

Яккли, который держал копьё сзади него, — уж не знаю, чем ему там запахло, — сказал:

— Тут, конечно, дело неспроста, я слышу отчетливо запах пороха и фитиля. — При этих словах господин Шульц обратился в бегство и вмиг перепрыгнул через забор, а так как попал он на зубцы грабель, брошенных кем-то после сенокоса, то угодили ему грабли прямо в лицо и здорово его ударили.

— Ой, ой, ой! — завопил господин Шульц. — Забирай меня в плен! Я сдаюсь! Я сдаюсь!

Остальные шестеро тоже перепрыгнули друг через дружку и, подскочив, закричали:

— Раз ты сдаешься, я тоже сдаюсь, раз ты сдаешься, я тоже сдаюсь!

Наконец, когда никакого врага не оказалось, который бы их собирався связать и увести, они поняли, что обманулись. А чтоб люди не узнали про этот случай и не посмеялись бы над ними, назвав их дураками, они поклялись друг перед другом об этом помалкивать, если, конечно, кто-нибудь из них невзначай об этом не проговорится.

Потом двинулись они дальше. Но вторую опасность, которую они испытывали, уж никак нельзя было сравнивать с первой. Спустя несколько дней им пришлось проходить через пустошь, и сидел там на солнышке заяц и дремал, насторожив уши, и его большие стеклянные глаза были неподвижны. При виде этого страшного дикого зверя они все испугались и стали держать совет, как тут поступить, чтоб счастливо выйти из опасности. Ведь если обратиться в бегство, то следовало опасаться, что чудовище кинется за ними в погоню и всех их проглотит живьем. И вот сказали они:

— Нам предстоит выдержать большую и опасную битву, и кто на это отважится, за тем половина победы окажется!

И все семеро схватили копьё, господин Шульц впереди, а Вейтли позади. Господин Шульц, тот старался копьё все придержать, а Вейтли уж так расхрабрился, что хотел было кинуться в атаку, и крикнул:

*Коли во имя храбрых швабов
Или умри в бою со славой!*

Но Ганс, тот знал, чем его уязвить, и сказал:

*Ты на словах в рядах передних,
С драконом в битве — ты последний!*

И крикнул Михаль:

*А я клянусь вам головой,
Что это черт передо мной.*

Теперь был черед за Йергли, и сказал он:

*А раз не черт, то черта мать
Иль черта сводный брат, видать.*

Мелькнула у Марли хорошая мысль, и он говорит Вейтли:

*Иди, иди вперед ты, Вейтли,
Я за тобою вслед немедля.*

Но Вейтли и слушать не захотел, и Яккли тогда сказал:

*Шульц должен выступить вперед,
Ему вся слава и почет!*

И вот собрался Шульц с духом и важно, с достоинством молвил:

*Давайте в бой смелей пойдем,
Отважных в этом узнаем!*

И двинулись все вместе на дракона. Осенил себя герр Шульц крестным знаменьем и призвал господа бога на помощь. Но все это ничуть не помогло, а так как подступал он в это время все ближе и ближе к врагу, то закричал он в великом страхе: «Го-го! Ура! Го-го! Ура!» Проснулся тут заяц, испугался и кинулся со всех ног оттуда. Увидал герр Шульц, что заяц обратился в бегство, и на радостях закричал:

*Тьфу, Вейтли, милый мой, постой,
Ведь это ж заяц был простой!*

Однако компания швабов продолжала искать приключений, и вот подошли они к Мозелю, болотистой, тихой и глубокой реке; мостов через нее было мало, и во многих местах приходилось переправляться через нее на лодках. А семеро швабов о том вовсе осведомлены не были, и они стали кричать человеку, который был чем-то занят на другом берегу, и спрашивать у него, как им перебраться на ту сторону. Но человек стоял далеко, да и их наречие он не понял и спросил на своем трирском: «Что, что?»¹ И подумал господин Шульц, что тот говорит: «Вброд, вброд!», а так как он был впереди, то и начал готовиться к переправе и вошел в реку Мозель. Он вскоре увяз в тине, и его залило набежавшей большой волной, а ветром сорвало с него шляпу и унесло ее на другой берег; уселась на нее лягушка и начала квакать: ква, ква, ква. Услыхали это остальные шестеро на том берегу и сказали:

— Это зовет нас сюда наш товарищ герр Шульц, и уж если он мог перейти вброд, то и мы можем.

И они второпях прыгнули все разом в воду и утонули. А погубила-то их всех шестерых лягушка. И никто из компании швабов так назад и не вернулся.

¹ На трирском наречии *wat* — значит что, а *переходи вброд* — *wade*; лягушечье кваканье: *wat, wat, wat*. (Прим. перев.)

О МЫШКЕ, ПТИЧКЕ И КОЛБАСКЕ

Однажды мышка, птичка да колбаска порешили жить вместе. Стали они вести общее хозяйство и долго жили ладно и богато, в мире и согласии, и хозяйство их все росло и росло.

Работа у птички была такая — летать каждый день в лес за дровами. А мышка должна была воду носить, огонь разводить и стол накрывать, а колбаска оставалась стряпать.

Но кому и так хорошо живется, тому еще большего хочется! Вот случилось птичке повстречаться в лесу с другой

птицей, и рассказала она ей про свое хорошее житье-бытье и стала им похвастаться. А та, другая птица, стала ее бранить и говорить, что работает-де птичка слишком много, а получает мало; а те двое, что остаются дома, живут, мол, куда лучше. Вот хотя бы взять, например, мышку: развеет она огонь, принесет воду и идет себе отдыхать в свою каморку, пока не позовут ее на стол накрывать. А колбаска, та все у горшков торчит да присматривает, чтобы пища варилась как следует, а как придет время обедать, то стоит ей раза четыре повертеться в каше или в овощах, а они уже и жирны, и посолены, и к столу готовы.

Вот прилетела птичка домой, сбросила свою ношу, и сели они за стол, а после обеда как залегли, да так и проспали до самого утра, — вот уж жизнь-то была, что и говорить, расчудесная!

Но птичку раззадорили, и не захотелось ей на другой день лететь в лес. Она объявила, что слишком долго была у них служанкой и оставалась в дурах и что им следует поменяться работой и попробовать жить по-другому.

И как ни просили ее мышка и колбаска, но птичка, однако, на своем настояла. Пришлось им согласиться; кинули жребий — и выпало колбаске дрова таскать, мышке стряпухой быть, а птичка должна была воду носить.

Но что же случилось потом? Отправилась колбаска за дро-

вами, птичка развела огонь, мышка поставила горшок в печь, и стали они ждать, пока колбаска домой вернется и притащит запас дров. А ее все нету и нету, почуяли они недоброе, и полетела птичка ей навстречу. Увидела она неподалеку на дороге собаку, которая, напав на бедную колбаску, схватила ее и растерзала. Стала птичка обвинять собаку в грабеже и убийстве, но слова помогали мало. Собака ссылалась на то, что нашла, мол, будто у колбаски подмётные письма и поэтому решила ее казнить.

Грустно стало птичке, она взвалила на себя дрова, полетела домой и рассказала обо всем, что слыхала и видала. Очень они опечалились с мышкой, но решили, что лучше всего им оставаться вместе.

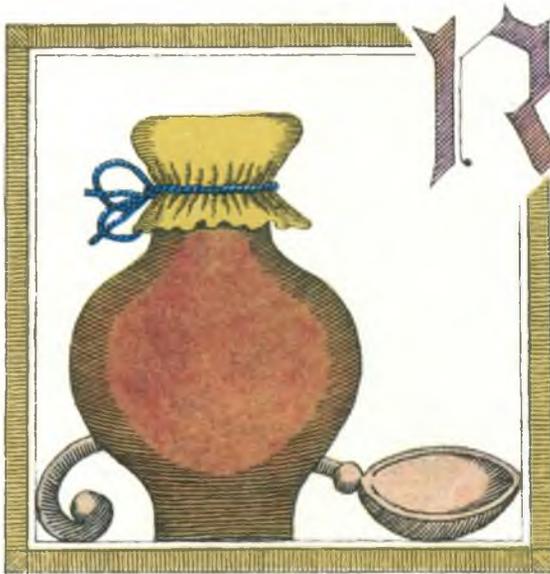
Пришлось птичке накрывать на стол, а мышка стала обед готовить. И вот решила она последовать примеру колбаски и прыгнуть в горшок с овощами, повертеться в нем, поболтаться, чтобы было наваристей. Но едва залезла она в горшок, как обварилась, да так сильно, что у нее вылезла шерсть, слезла кожа, тут ей и конец настал.

Пришла птичка обед к столу подавать, глядь — нету стряпухи. Птичка в смущении побросала дрова, стала звать ее и кричать, но стряпухи своей она так и не нашла. И попал по неосторожности огонь на дрова; они загорелись, и начался пожар. Бросилась птичка второпях за водой, да упустила ведро в колодец, и сама за ним тоже в колодец упала, и не могла она спастись оттуда, — так и утонула.

КОШКА И МЫШКА ВДВОЕМ

Кознакомилась раз кошка с мышью и столько наговорила ей про свою большую любовь и дружбу, что мышь согласилась наконец жить с ней в одном доме и вести сообща хозяйство.

— Надо будет на зиму сделать запасы, а не то придется нам с тобой голодать,— сказала кошка,— но тебе-то ведь, мышка, всюду ходить нельзя, а то, чего доброго, попадешься в ловушку.

Так они и порешили и купили себе про запас горшочек жиру. Но они не знали,

где его спрятать, и вот после долгих раздумий кошка и говорит:

— Лучшего места, нежели в церкви, я не знаю. Уж оттуда никто его утащить не посмеет. Давай поставим горшочек под алтарем и не будем его трогать до той поры, пока он нам не понадобится.

И вот спрятали они горшочек в надежном месте. Но прошло ни много ни мало времени, как захотелось вдруг кошке жиром полакомиться,— и говорит она мышке:

— Знаешь что, мышка, зовет меня тетка на крестины: родила она сыночка, беленького с рыжими пятнышками; так вот, буду я у нее кумой. Я пойду, а ты уж сама за хозяйством присмотри.

— Ладно,— говорит мышь,— ступай себе, а ежели будет что вкусное, ты и обо мне не забудь,—я бы тоже не прочь немножко сладенького красного винца хлебнуть.

Но все, что рассказала кошка, была неправда,—никакой тетки у нее не было, и никто не звал ее на крестины. А пошла она прямо в церковь, подобралась к горшочку с жиром, начала лизать,—и слизала всю верхушку. Потом прогулялась по городским крышам, огляделась, легла на солнышке и стала облизывать себе усы, вспоминая о горшочке с жиром. И только под вечер воротилась она домой.

— Ну, вот наконец ты и вернулась,— сказала мышка,— небось день свой провела весело?

— Да, неплохо,— ответила кошка.

— А как же назвали ребеночка? — спросила мышка.

— Початочком,— холодно ответила кошка.

— Початочком? — воскликнула мышка. — Что это за странное и редкое имя, разве оно принято в вашем семействе?

— Да что о том говорить,— сказала кошка,— пожалуй, оно не хуже, чем какой-нибудь Воришка Хлебных Крошек, как твоих крестников называют.

Захотелось вскоре кошке опять полакомиться. И говорит она мышке:

— Сделай мне одолжение, побудь еще разок дома да посмотри сама за хозяйством, меня опять зовут на крестины; отказываться мне никак невозможно, ведь у ребеночка белый воротничок вокруг шейки.

Добрая мышка согласилась. А кошка пробралась вдоль городской стены в церковь да и выела половину горшочка жира. «Нет ничего вкусней,— подумала она,— когда что-нибудь поешь одна», и осталась такой работой вполне довольна.

Воротилась она домой, а мышка ее и спрашивает:

— Ну, как же назвали ребеночка?

— Серединкою,— ответила кошка.

— Серединкою? Да что вы! Я такого имени отродясь не слыхала, бьюсь об заклад, что его и в календаре-то нет.

Стала кошка вскоре вспоминать о лакомстве и облизываться.

— Ведь хорошее-то случается всегда трижды,— говорит она мышке,— приходится мне опять кумой быть. Ребеночек-то родился весь черненький, одни только лапки беленькие, и ни единого белого пятнышка, а случается это в несколько лет раз,— отпусти уж меня на крестины.

— Початочек! Серединка! — ответила мышка. — Какие, однако ж, странные имена, есть над чем призадуматься.

— Да ты вот все дома сидишь в своем темно-сером фризоме кафтане с длинной косичкой,— сказала кошка,— да только ворчишь; а все оттого, что днем из дому не выходишь.

Когда кошка ушла, мышка убрала в доме и навела в хозяйстве всюду порядок, а кошка-лакомка тем временем слизала весь жир в горшочке дочиста. «Когда все поешь, только тогда и успокоишься»,— сказала она про себя и лишь к ночи вернулась домой, сытая и жирная. А мышка тотчас ее и спрашивает:

— А какое ж имя дали третьему ребеночку?

— Оно тебе, пожалуй, тоже не понравится,— ответила кошка,— назвали его Поскребышком.

— Поскребышек! — воскликнула мышка. — Да-а! Над таким именем призадумаешься; я пока не видала, чтоб такое имя было где напечатано. Поскребышек! А что же оно должно зна-

чить? — Покачала она головой, свернулась в клубочек и легла спать.

И с той поры никто не звал кошку на крестины. А подошла зима, нечем было уже на дворе поживиться, — тут и вспомнила мышка про свои запасы и говорит:

— Кошка, давай-ка наведаемся к нашему горшочку с жиром, ведь мы его приберегли, теперь нам есть чем полакомиться.

— Что ж, — говорит кошка, — это будет, пожалуй, так же вкусно, как полизать язычком воздух.

Пустились они в путь-дорогу. Приходят, — стоит горшочек на том самом месте, да только пустой.

— Ох, — говорит мышка, — теперь-то я вижу, что случилось, теперь мне ясно, какой ты мне верный друг! Ты все сама поела, когда на крестины ходила; сначала початочек, потом серединку, а затем...

— Да замолчи ты! — крикнула кошка. — Еще одно слово, и я тебя съем.

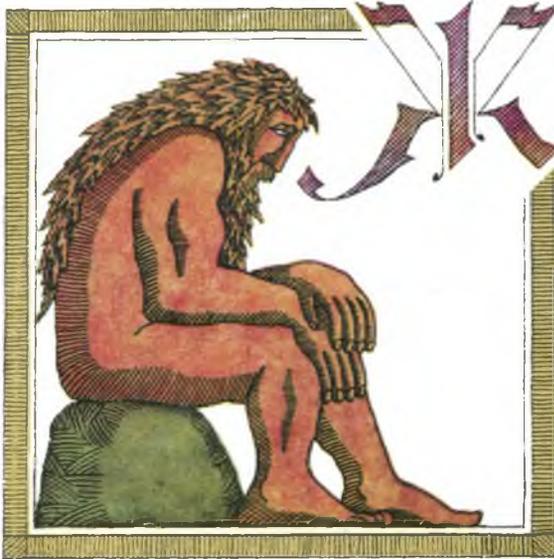
«Поскребышек», — вертелось на языке у бедной мышки; и только сорвалось это слово у ней с языка, прыгнула кошка, схватила ее и съела.

Вот видишь, как бывает оно на свете.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАНС

ил однажды король, и возле его замка был дремучий лес, в котором водилась разная дичь.

Послал раз король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егеря назад не вернулось.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось,— сказал король и послал на другой день двух егерей на поиски его; они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал король на третий день всех своих егерей и говорит:

— Исходите весь лес вдоль и поперек и не оставляйте поисков до тех пор, пока всех троих не найдете.

Однако из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось долгие годы.

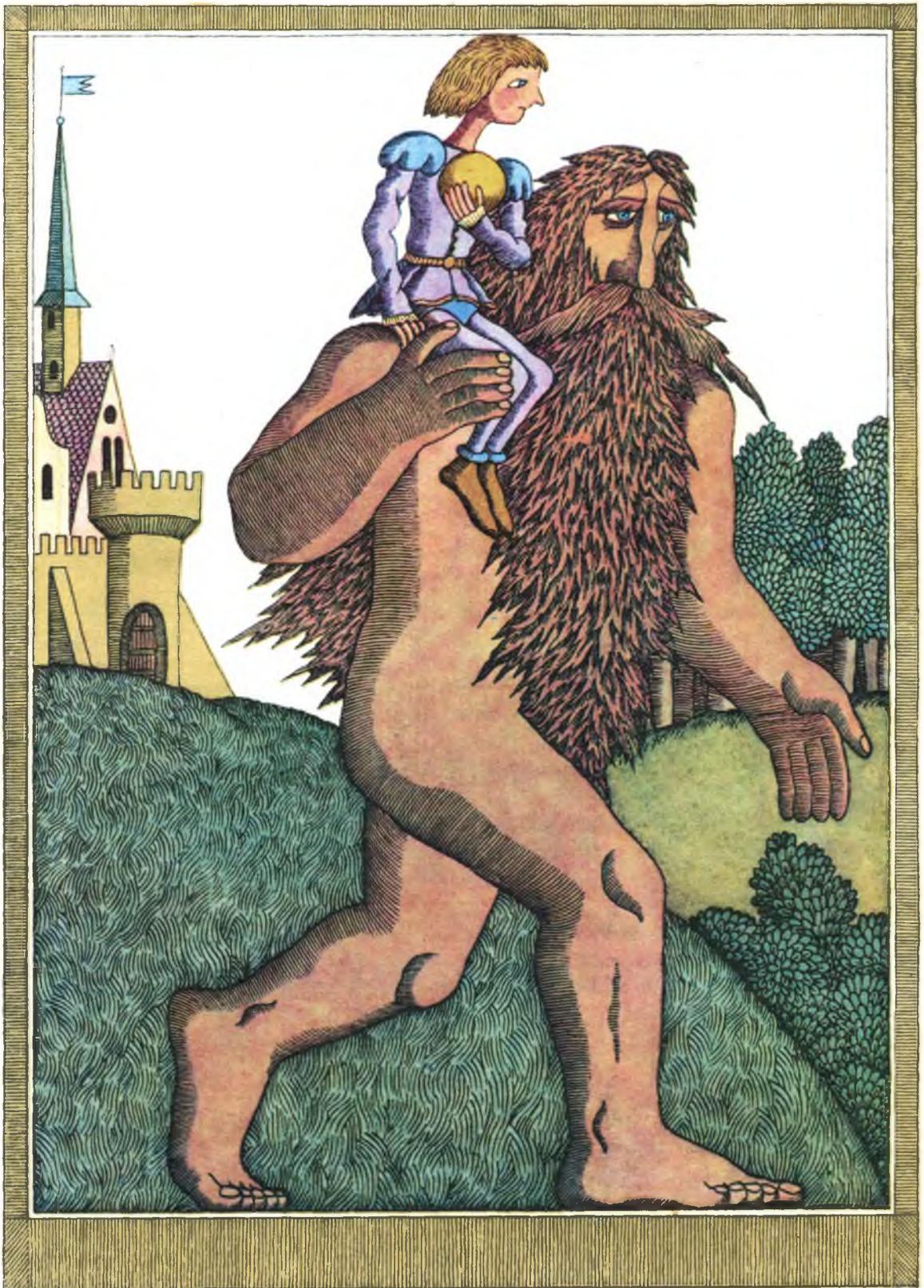
Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь.— И он отправился со своею собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидел это охотник, воротился назад и

привел с собою трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно; и видят они — лежит там дикий человек, тело у него все рыжее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись лесному человеку, и велел король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет,— ответил лесной человек,— я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет,— сказал мальчик,— я этого не сделаю, это король запретил,— и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А лесной человек говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог, у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкою у твоей матери,— сказал лесной человек,— ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открылась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и лесной человек вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч, и сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, лесной человек, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Лесной человек вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидел пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

А лесной человек вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то будет тебе

хорошо. А драгоценностей и золота у меня в досталь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро лесной человек привел его к колодцу и говорит:

— Видишь этот золотой колодец? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, выполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю колодца, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в колодец.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Ганс — так звали лесного человека,— посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с колодцем?

— Ничего, ничего не случилось,— ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб лесной человек не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в колодец; на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебе, но смотри, берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у колодца и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в колодец. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Ганс, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в колодец,— сказал он,— я прощаю тебе и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет колодец нечистый, и тебе нельзя будет у меня оставаться.

Сидел на третий день мальчик у колодца и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему очень скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз; захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармана платок и обвязал им голову, чтоб лесной человек ничего не заметил. Но Железный Ганс пришел и знал уже все и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытания не выдержал, и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь

тогда, как в бедноте живет. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Ганс!», и я приду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня в достатке.

Покинул королевич лес и пошел по дорогам и нехоженным тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог, да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгрести.

Однажды, когда под рукой никого не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой король,— ответил ему мальчик,— я никак не могу, у меня вся голова в стружьях.

Тогда велел король позвать повара, выбрал его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать. Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-заблестели, что упали лучи в спальню королевы, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидела она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести королеве такие плохие цветы? Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

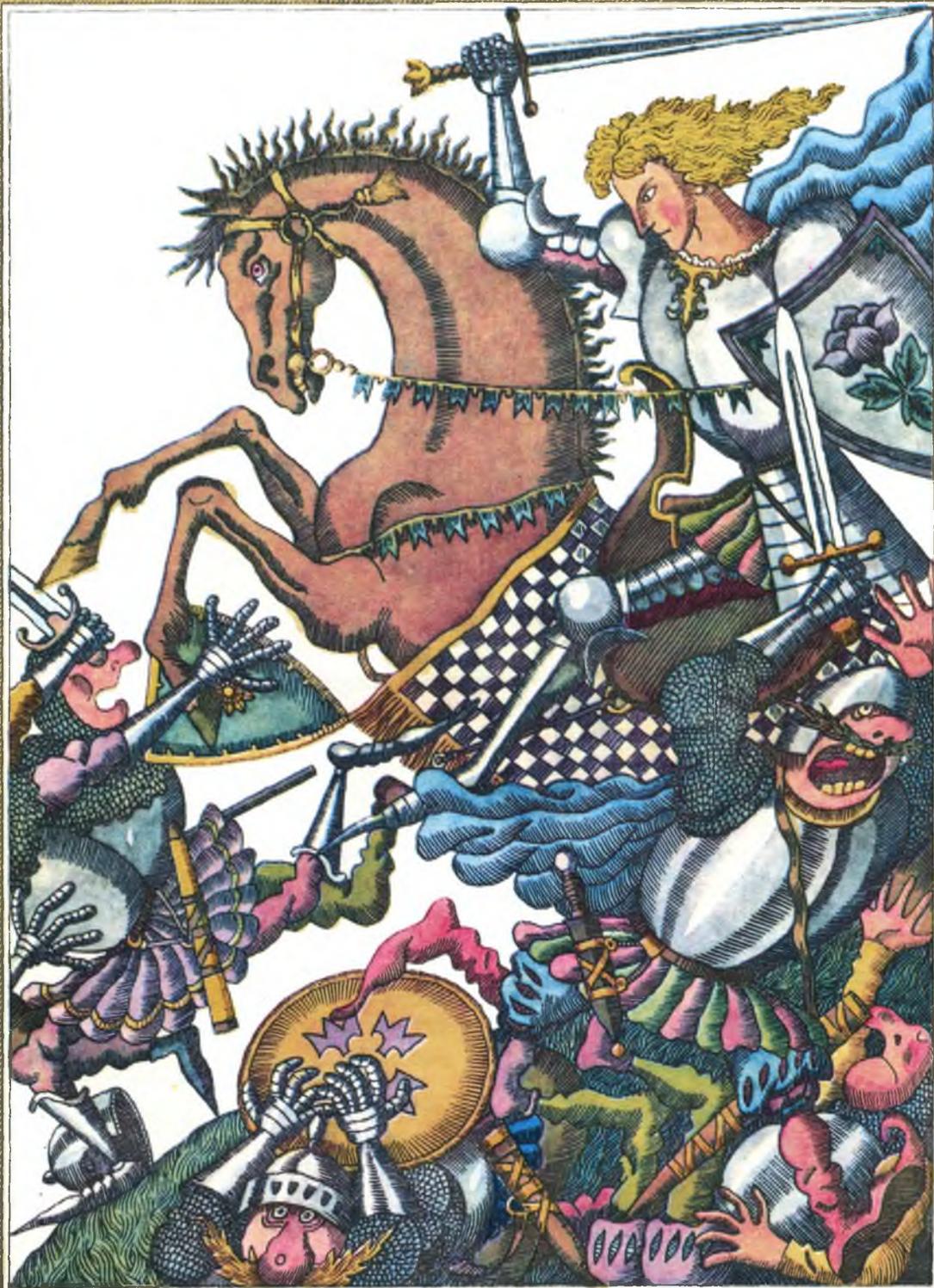
— Ах, нет,— ответил юноша,— полевые цветы пахнут сильнее, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату королевы, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе негоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в стружьях.

Тогда королева схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день королева кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Королева дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек. На третий день случилось то же самое,— королева не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

Вскоре началась в этой стране война. Собрал король свой народ и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только коня.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромала, была заморенная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп». Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке леса и трижды крикнул: «Железный Ганс!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Что требуешь ты?

— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.

— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся лесной человек в чащу, и в скором времени вышел оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел, и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сражения, к тому времени большая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам и до тех пор не останавливался, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Ганса.

— Что требуешь ты? — спросил лесной человек.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся король снова в свой замок, вышла к нему навстречу его дочь и стала поздравлять с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неведомый рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось королевне узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила королевна у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Сказал король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может, тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать. И вот, когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Ганса.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Ганс.

— Чтоб поймал я золотое яблоко королевны.

— Это легко, считай, что оно у тебя уже в руках, — сказал Железный Ганс, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, но его никто не узнал. Вышла королевна и бросила рыцарям золотое яблоко, никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Ганс снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился король и сказал:

— Эдак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню,

а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Ганса черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погону, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем королю.

На следующий день королева спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него на голове, как прежде, шапочка. Но королева подошла к нему и сняла ее с него,— и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да,— ответил юноша,— а вот и яблоки эти,— и он достал их из кармана и подал королю.— Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной. А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу,— сказал король,— что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

— Да,— ответил королевич,— конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась королева и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик,— и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел король с большой свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Ганс, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

ЗОЛОТОЙ ГУСЬ

ил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я дам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором да угодил себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, —

куда уж тебе, Дурню, ведь ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешан да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки,— я так голоден, и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вот стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется.— Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он,— сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидели они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, как тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними»,— и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидел он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он

пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить,— и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли,— и стало их теперь семеро бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь,— сказал Дурень.— Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поесть.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть,— и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтоб мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь,— сказал он Дурню,— тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес; сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказать выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своею женой.

ЧЕРТОВ ЧУМАЗЫЙ БРАТ

Дному отставному солдату жить было нечем, и не знал он, как ему из такой беды выпутаться. Вот отправился он в лес, прошел немного и повстречал маленького человечка, а то был черт. И сказал ему человечек:

— Что это с тобой? Вижу тебя что-то невеселый.

Ответил ему солдат:

— Да вот есть хочется, а денег нету.

Черт и говорит ему:

— Пойдешь ко мне в услуженье — хватит тебе на весь твой век; а служить ты

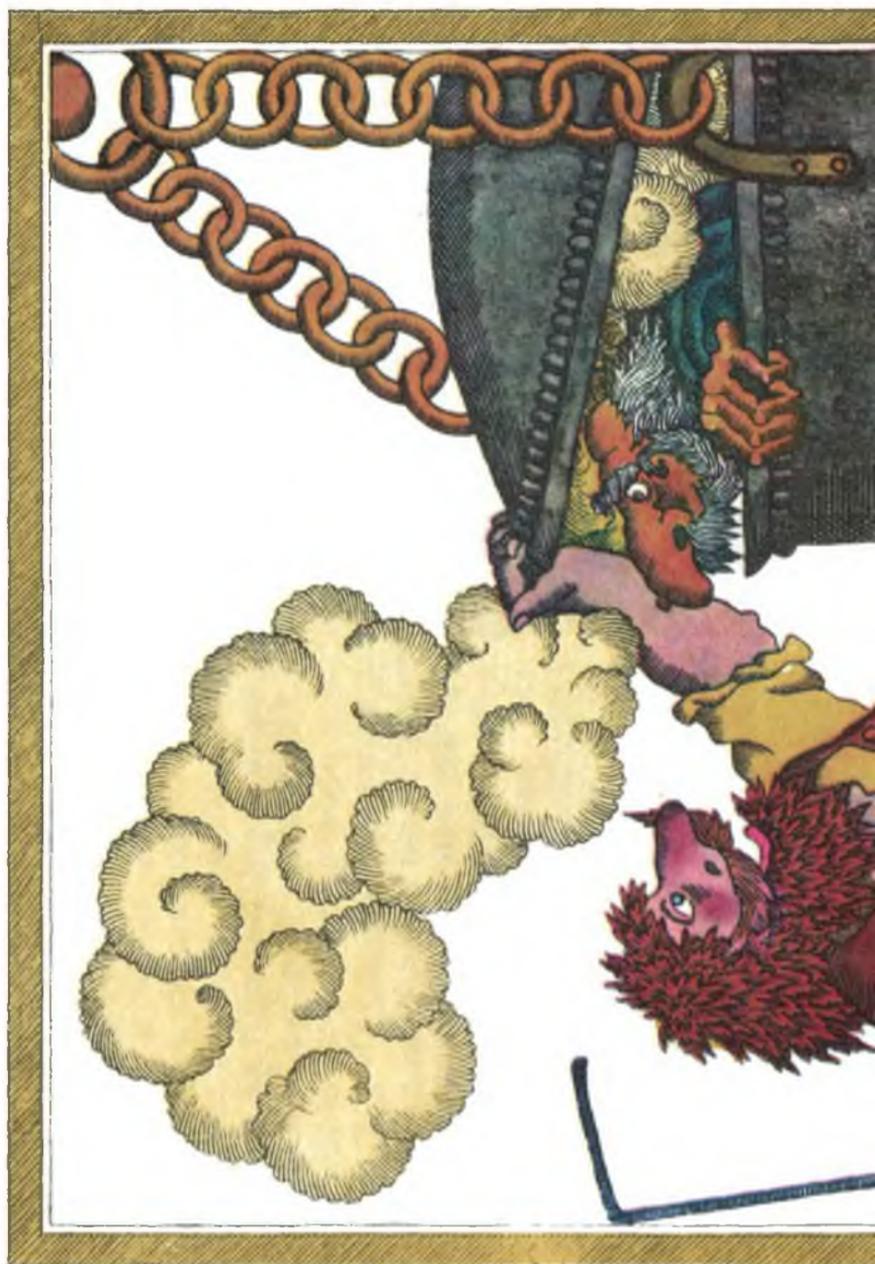
мне должен семь лет, и после того снова будешь ты человеком вольным. Только вот что я тебе скажу: ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни сморкаться, ни обрезать ногтей и глаз не протирать.

Солдат говорит:

— Ну, что ж делать тогда, коли воля твоя, — и пошел за человечком, и повел его тот прямехонько в ад. И сказал ему черт, что он делать обязан: должен он под котлами огонь разводить, где грешники сидят, дом держать в чистоте да сор выносить за порог и всюду следить за порядком. Но если он заглянет хоть раз в котел, то плохо ему придется. Солдат сказал:

— Ладно, уж я постараюсь.

И отправился старый черт снова странствовать по свету, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал огонь разводить, пол подметать, сор выносить за порог — все, как было ему велено. Вернулся старый черт, посмотрел, все ли исполнено, остался доволен и ушел снова. Оглянулся солдат, поглядел хорошенько, видит — расставлены кругом котлы в аду, пылают под ними сильный огонь, и варится в них что-то да клокочет. Жизнь бы отдать солдат готов, лишь бы в них заглянуть, но запретил ему строго-настрого черт это делать. Но вот, наконец, он не мог удержаться, поднял слегка крышку первого котла и заглянул в не-

го. И увидал он, что сидит в нем бывший его унтер-офицер.

— Ага, голубчик,— сказал солдат,— вот куда ты попал! Прежде я был в твоих руках, а теперь ты у меня,— и быстро опустил он крышку, стал раздувать огонь и подложил еще дров. Подошел он затем ко второму котлу, поднял слегка крышку, заглянул, видит — а в нем прапорщик.

— Ага, голубчик, вот ты куда попал! Прежде я был в твоих руках, теперь ты у меня,— закрыл солдат крышку и принес полено, чтоб тому еще жарче было. Захотелось солдату посмотреть, кто же это в третьем котле сидит, а там — сам генерал.

— Ага, голубчик, вот куда ты попал! Прежде я был у тебя в руках, а теперь ты у меня,— и принес солдат мехи, стал раздувать огонь, и запылало адское пламя под ним пуще прежнего. Так нес солдат свою службу в аду целых семь лет, не мылся, не чесался, не сморкался, не стригся, ногтей не срезал и глаз не протирал; и прошло семь лет так быстро, что ему показалось, что минуло только полгода. Когда окончился срок службы, пришел черт и говорит:

— Ну, Ганс, что ты здесь делал?

— Раздувал я огонь под котлами, пол подметал да сор выносил.

— Нет, ты и в котлы заглядывал; счастье твое, что ты подкладывал дров, а то бы теперь тебе пропадать; что ж, срок твой прошел, хочешь домой вернуться?

— Да,— сказал солдат,— хотелось бы мне поглядеть, что там дома отец мой делает.

Черт говорит:

— Так вот, получай свое жалованье: иди да набери себе мусору в ранец и возьми его с собой. А должен ты идти домой неумытый и нечесанный, с длинными волосами на голове и на бороде, с неостриженными ногтями и грязными глазами, а если тебя кто спросит, откуда, мол, идешь, то скажи: «Из ада», а если кто спросит, кто ты таков, должен ответить: «Чертов чумазный брат и сам себе король».

Ни слова не сказал солдат и сделал то, что велел ему черт, но жалованьем своим он остался совсем недоволен.

Попал он снова наверх, в лес, снял свой ранец со спины и хотел было вытряхнуть из него мусор; но только он его открыл — и превратился весь мусор в чистое золото.

— Этого я уж никак не думал,— сказал он, остался доволен и пошел в город.

У ворот гостиницы стоял хозяин, и когда он заметил солдата, то испугался: Ганс выглядел прямо каким-то страшилищем, хуже, чем пугало на огороде. Подозвал его хозяин гостиницы к себе и говорит:

— Откуда ты идешь?

— Из ада.

— А кто ты таков?

— Чертов чумазый брат и сам себе король.

Не хотел было хозяин его впускать, но как показал он ему золото, то сам и двери перед ним распахнул. Велел Ганс отвести ему самую лучшую комнату да прислуживать ему как следует, поел досыта и попил, но, однако, не мылся, не чесался, как и велел ему черт, и лег, наконец, спать. А хозяину все виделся перед глазами ранец, полный золота, и не давал он ему покоя, пока не забрался он ночью к солдату и не украл у него тот ранец.

Встал на другое утро Ганс, хотел заплатить хозяину деньги и идти дальше, но видит, что ранец куда-то пропал. Он спохватился и подумал: «Вот без вины в беду-то попал», и вернулся он снова прямою дорогой в ад; пожаловался он старому черту на свое несчастье и стал просить его о помощи. Черт сказал:

— Садись, я умою тебя, причешу, нос утру, волосы и ногти подстригу и глаза протру.

Кончил он это дело и дал ему снова ранец, полный мусора, и говорит:

— Ступай да скажи хозяину, чтоб отдал он свое золото назад, а то я сам к нему приду и отведу его в ад, и будет он вместо тебя огонь раздувать.

Поднялся Ганс из ада и говорит хозяину:

— Ты украл у меня золото; если не вернешь его мне назад, придется идти тебе в ад на мое место, и станешь ты таким же страшилищем, как и я.

И отдал хозяин ему золото да еще дал в придачу, и просил его никому о том не говорить, и стал Ганс теперь человеком богатым.

Отправился он в путь-дорогу домой, к своему отцу, купил себе, чтобы было во что одеться, дешевенькую куртку; стал по дороге музыкой заниматься, а музыке той научился он у черта в аду. А жил в той стране старый король; и стал Ганс перед ним играть; и понравилась очень королю его музыка, и обещал он ему в жены свою старшую дочь. Но как услышала она о том, что должна выходить замуж за простого человека в полотняной куртке, сказала:

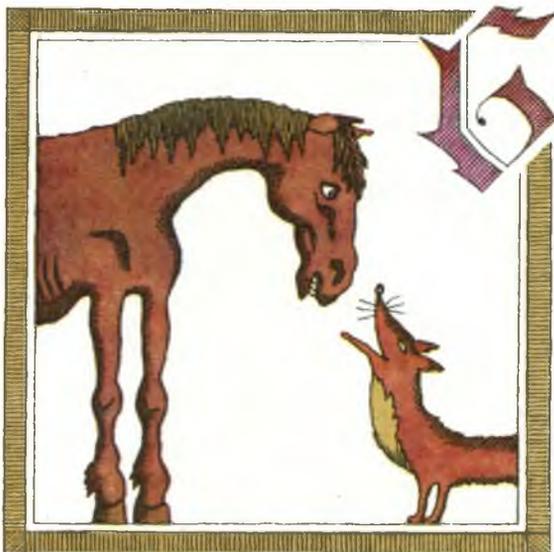
— Уж лучше мне в омут глубокий броситься, чем идти замуж за него.

И отдал тогда король ему свою младшую дочь в жены, и та из любви к своему отцу согласилась. И вот получил чертов чумазый брат королевскую дочь в жены, а когда король умер, то и все его королевство.

ЛИСА И ЛОШАДЬ

была у одного крестьянина верная лошадь, она состарилась и работать уже совсем не могла, вот и бросил хозяин ее кормить и говорит:

— К работе ты, конечно, больше негодна, но я к тебе отношусь хорошо; если покажешь себя настолько сильной, что сможешь принести мне льва, то я оставлю тебя жить у себя, а теперь убирайся прочь из моего стойла,— и он прогнал ее далеко-далеко в поле.

Запечалилась лошадь и пошла в лес, чтоб найти себе

там хоть какое-нибудь пристанище от непогоды. Повстречалась ей лиса и говорит:

— Ты чего голову повесила и бродишь тут одна?

— Ах,— говорит лошадь,— скупость и верность никогда не живут вместе! Мой хозяин позабыл про мою верную службу, которую я несла ему долгие годы, а так как пахать я больше не в силах, он не хочет меня больше кормить и прогнал меня прочь.

— И нету у тебя никаких надежд?

— Плохи мои надежды! Он сказал, что ежели я настолько сильна, что смогу принести ему льва, он оставит меня у себя, но ему-то ведь хорошо известно, что этого сделать я не в силах.

Говорит лиса:

— Я тебе помогу, ты только ложись да протянись, и не двигайся, будто мертвая.

Лошадь так и сделала, как сказала ей лиса. Направилась лиса ко льву,— была у него поблизости пещера,— и говорит:

— Лежит вон там мертвая лошадь: пойдём вместе со мной, и ты сытно пообедаешь.

Отправился лев вместе с ней, они подошли к лошади, а лиса ему и говорит:

— Тут тебе будет все-таки не так удобно. Знаешь что, привяжу-ка я ее к тебе за хвост, и ты сможешь притащить ее в свою пещеру и там преспокойно съесть.

Этот совет льву понравился, он стал задом, чтоб лиса могла привязать к нему лошадь, и стоял не шевелясь. А лиса связала ему лошадиным хвостом ноги, да так крепко узлы поскручивала, что никакая сила не могла бы их разорвать. Только кончила она свою работу, похлопала по спине лошадь и говорит:

— Ну, тащись, сивка, тащись!

Вскочила лошадь на ноги и потащила за собой льва. Заревел лев, да так, что птицы по всему лесу от страха повзлетали; а лошадь хоть бы что: тот ревет, а она идет себе и тащит льва к дверям своего хозяина. Увидал это хозяин и говорит лошади:

— Теперь ты можешь у меня оставаться, и будет тебе хорошо.— И кормил ее всегда досыта, пока она не околела.

ПРО УМНОГО ПОРТНЯЖКУ

ила-была некогда принцесса, и очень уж была она гордая: придет к ней, бывало, жених, и начнет она загадывать ему загадки; а если он их не разгадает, то посмеется она над ним и прочь прогонит. И велела она объявить, что кто загадку ее разгадает, то за того она замуж выйдет: пусть, мол, приходит к ней всякий, кто пожелает. Вот, наконец, и нашлось трое портных; двое старших считали, что они мастера большие, дело свое знают, и тут тоже, пожалуй, промаха не дадут. А третий из них был

человек на вид неказистый и порядочный растяпа, да и в ремесле своем не искусник, но он думал, что в этом деле выйдет ему счастье, а то откуда же и взяться-то счастью? Вот и говорят ему двое старших:

— Да оставайся ты лучше дома, а то со своим-то умишком недалече ты двинешься.

Но портняжка сбить себя с толку не дал и ответил, что он готов головой ручаться, что с этим делом он управится; и вот он смело двинулся в путь-дорогу, точно весь свет ему принадлежал.

Вот явились они втроем к принцессе и объявили, чтоб зада-ла она им свои загадки,— люди, мол, пришли толковые да опытные, и разум у них такой тонкий, что в игольное ушко продеть можно.

И говорит им принцесса:

— Есть у меня на голове два разноцветных волоса,— так какого же они цвета?

— Если в этом вся загадка,— сказал первый портной,— то вот тебе и разгадка: один черный, другой белый, как о сукне говорится — черное с крапункой.

И ответила принцесса:

— Ты разгадал неверно, пусть отвечает второй.

И ответил тогда второй:

— Уж если не черный и не белый, то каштановый и рыжий — точь-в-точь, как у моего батюшки праздничный сюртук.

— И ты разгадал неверно, — сказала принцесса, — пусть отвечает третий, — этот, я вижу, знает наверно.

Вот выступил смело портняжка и говорит:

— У принцессы на голове один волос серебряный, а другой золотой, — вот какого они цвета!

Услыхала это принцесса, побледнела от страха, чуть было без чувств не упала, оттого что портняжка верно разгадал. А была она твердо уверена, что ни одному человеку на свете той загадки не разгадать. Пришла она в себя и говорит:

— Того, что ты разгадал, еще мало, чтобы пошла я за тебя замуж; ты должен будешь выполнить еще другое. Лежит у меня в сарае медведь, вот ты и проведи с ним целую ночь; а когда я утром встану и увижу, что ты жив, тогда ты на мне и женишься.

Она думала таким образом отделаться от портняжки, — ведь не было еще такого человека, который, попав в лапы к медведю, жив бы остался. Но портняжка не испугался, он охотно согласился и сказал:

— Смело задумано — полдела сделано.

Вот наступил вечер, и привели моего портняжку к медведю. Медведь уж собрался кинуться на маленького человечка и поздороваться с ним хорошенько своей лапой.

— Эй ты, потише, потише, — сказал портняжка, — я уж тебя успокою, — и он достал преспокойно из кармана грецких орехов, раскусил их и начал есть. Увидел это медведь, захотелось ему тех орехов отведать. Полез портняжка в карман и подал ему целую пригоршню; но были то не орехи, а камешки. Сунул медведь их в пасть, принялся грызть, — грызет, а разгрызть никак не может. «Эх, — подумал он, — что это я за такой глупый болван, и орехов-то разгрызть не умею», и говорит он портняжке:

— Послушай, разгрызи-ка мне орехи.

— Вот ты каков, — молвил портняжка, — пасть-то у тебя вон какая большая, а маленького орешка разгрызть не умеешь!

Взял он камень, но вместо него сунул себе в рот орех, и — щелк! — тот раскололся.

— Надо будет еще раз попробовать, — сказал медведь, — вижу я, дело оно такое, что и я, пожалуй, сумею.

И дал портняжка ему снова камней. Стал медведь над ними работать, грыз изо всех сил. Но ты ведь тоже не поверишь, что он их разгрыз. Тут вытащил портняжка из-под полы скрипку и начал на ней наигрывать. Услыхал медведь музыку, не мог удержаться, начал плясать. Проплясал он немного, и это ему так понравилось, что он спросил портняжку:

— Послушай, а трудно ли играть на скрипке?

— Да совсем легко, вот смотри, — сюда кладу я пальцы левой руки, а правой смычком вожу, и вот оно как весело получается: гоп-гоп-гоп, тра-ля-ля-ля!

— Вот так бы играть на скрипке,— сказал медведь,— и мне бы хотелось, можно было б плясать, когда придет охота. Научи ты меня играть! Что ты на это скажешь!

— С большим удовольствием, если у тебя к этому способности. Ну-ка, покажи мне свои лапы. Э, да они у тебя слишком длинные, надо будет когти немного пообрезать.— И вот он принес тиски, а медведь и положил в них свои лапы; тут портняжка и ну их закручивать, да как можно покрепче, и говорит:

— Теперь подожди, пока я принесу ножницы,— и, оставив медведя реветь сколько ему влезет, лег в углу на солому и уснул. Услыхала вечером принцесса, как ревет медведь, и подумала, что ревет он от радости, покончив с портным. Встала она наутро беззаботная и довольная, но глянула в сарай, видит — стоит портняжка, весел и здоров, рядом с медведем и чувствует себя, точно рыба в воде. Что тут было ей сказать? Ведь в присутствии всех она дала ему обещанье; и велел тогда король подать карету, и должна была принцесса отправиться вместе с портняжкой в кирху и с ним обвенчаться. Только они сели в карету, а те двое портных стали завидовать счастьем своего приятеля; и было у них сердце злое, вошли они в сарай и освободили медведя из тисков. В ярости кинулся медведь вслед за каретой. Услыхала принцесса, что медведь сопит да ревет, стало ей страшно, и она закричала:

— Ах, это гонится за нами медведь, он хочет тебя утащить!

Тут мой портной быстро смекнул, что ему делать: встал он на голову, высунул ноги в окно кареты и закричал:

— Видишь тиски? Если ты не уберешься подобру-поздорову, то попадешь в них опять!

Как увидал это медведь, повернулся и убежал прочь. А портняжка мой поехал себе преспокойно в кирху и обвенчался с принцессой, и жил с ней он счастливо, точно жаворонок полевой.

А кто сказке моей не верит, пусть талер дает живей!

ГАНС В СЧАСТЬЕ

рослужил Ганс семь лет у хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился; хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда,— и дал ему кусок золота величиной с голову Ганса. Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливается, видит — навстречу ему мчится вскачь всадник на резвом коне. «Ах,— говорит Ганс вслух,— как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя». Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я,— говорит,— отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да плечи он здорово давит.

— Знаешь что,— сказал всадник,— давай-ка мы поменяемся: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием,— ответил Ганс,— но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом налегке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить, стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в

придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя,— тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя—это дело другое; идешь это себе за ней преспокойно, да кроме того каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж,—ответил крестьянин,—если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него ускакал.

Ганс спокойно погнал свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется—можно будет и масла и творогу поесть; а захочется попить—подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?». Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнал свою корову дальше по дороге, в деревню к своей матери, к полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти по крайней мере еще целый час полем. Стало Гансу неважно от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться,—подумал он,—подою-ка я свою корову да попью молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли. А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпенья ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось?—крикнул он и помог доброму Гансу подняться. Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепись. Корова, должно быть, яловая; видать, стара и годна разве что для упряжки или на убой.

— Эх-эх-эх,—сказал Ганс, почесывая себе затылок,—и кто бы мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома зарезать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс,—сказал мясник,—уж я для твоего

удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

Ганс отдал ему корову и попросил, чтоб мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, к которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желанья его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо улаживается. А тут ввязался идти с ним вместе по пути парень, нес он под мышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять,— сказал он и схватил гуся за крылья,— вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да,— сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес,— что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай,— сказал он снова,— а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже людей на розыски, и плохо придется, если тебя с ней поймут,— в лучшем случае запрягут тебя куда-нибудь.

Стало страшно доброму Гансу.

— Ах, боже ты мой!— сказал он,— выручи ты меня из беды, тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное,— ответил парень,— но не хочется мне в твоей беде быть виноватым.— Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей, с гусем под мышкой, домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить,— сказал он про себя,— я обменял еще выгодно: будет у меня славное жаркое, да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере, на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух,— я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!»

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел то-чильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

*Точу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути, да и все.*

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да,— ответил точильщик,— ремесло мое золотое. Хороший точильщик как ползет себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив,— заметил точильщик,— надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда в кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень,— правда он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать? — отвечал Ганс,— ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну,— сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник,— вот тебе в придачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости: «Должно быть, родился я в рубашке,— воскликнул он,— все, чего я не пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливцу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и приутомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался, чтобы передохнуть, а к тому же и камни сильно оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если б можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтоб как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам хотел было нагнуться, чтоб воды напиться, да как-то недо-

глядел, столкнул их,— и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, что освободился так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете,— воскликнул он,— такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился, наконец, домой к своей матери.

ФРИДЕР И КАТЕРЛИЗХЕН

ил-был человек, звали его Фридер, и была девушка, звали ее Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:

— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.

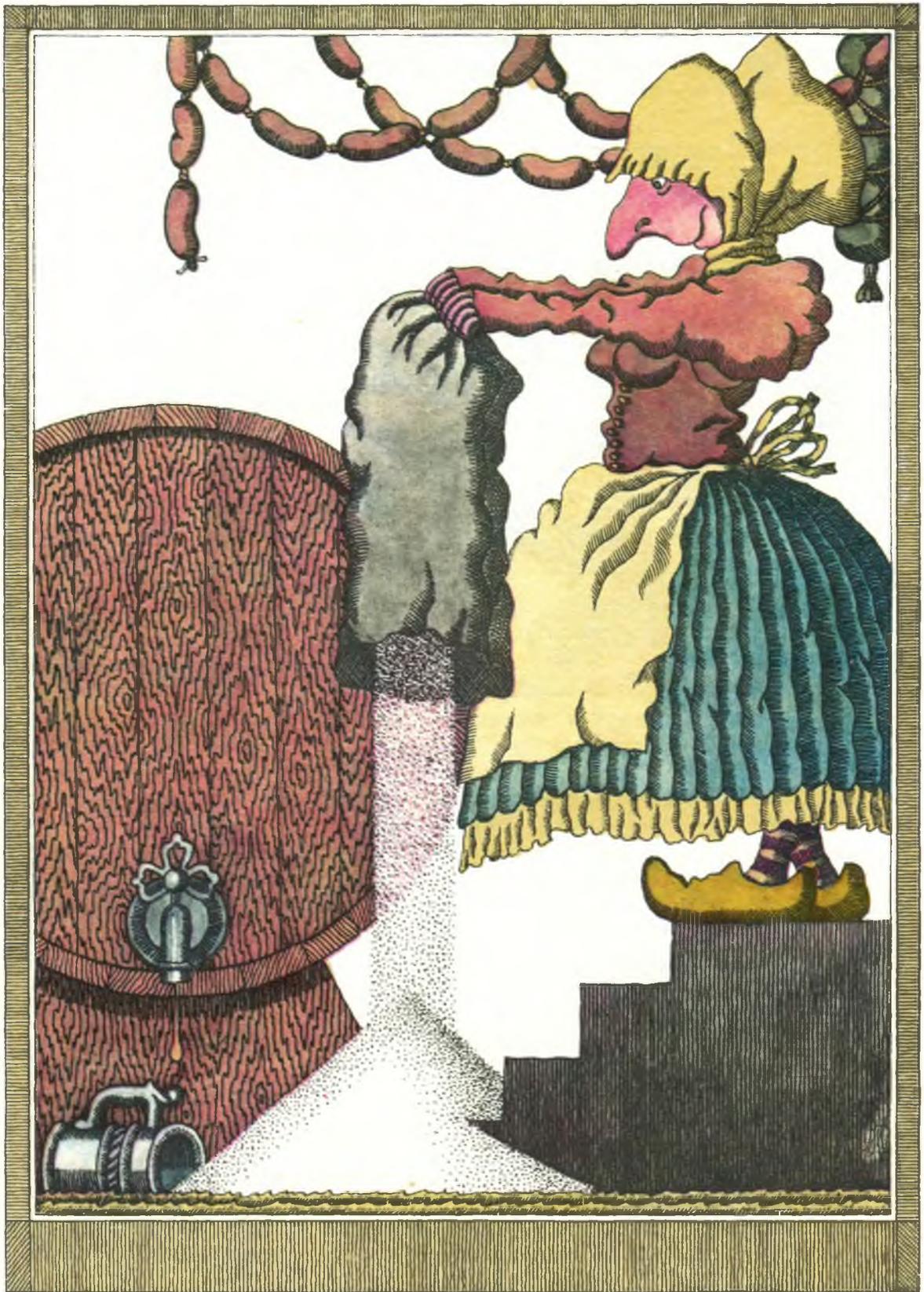
— Ступай, Фридерхен,— отвечала Катерлизхен,— ступай, я все тебе приготовлю.

Подошло время обедать,

и достала она из трубы копченую колбасу, взяла сковородку, положила на нее масла и поставила на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я еще вовремя вспомнила»,— и вмиг выбежала она из погреба.

Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит ее по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она ее по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то пропало!» — сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтоб отдышаться.

А в это время пиво все бежало и бежало из бочки,— кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол, и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидала, что за беда приключилась.

«Вот так так!»— воскликнула она. — Что же мне теперь делать, чтоб Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец, вспомнила, что стоит у ней на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный еще в прошлом году на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.

«Да,— сказала она,— кто вовремя что сберегает, тому оно в беде помогает»,— полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится,— сказала Катерлизхен,— что беда беду погоняет»,— и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».

В полдень воротился Фридер домой.

— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?

— Ах, Фридерхен,— ответила она,— хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась, все пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен— в погребе уже сухо.

И сказал Фридер:

— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака ее стащила, а пиво из бочки выбежало, да еще засыпать его самой лучшей мукой.

— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.

Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придется мне самому кое-что придумать».

Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:

— Видишь, эти вот желтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать ее не стану,— ответила Катерлизхен.

Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.

— Да вот, милые люди,— говорит Катерлизхен,— денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны желтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.

— Желтые кружочки пожалуй что и пригодятся, а покажи-ка их нам.

— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдете желтые кружочки, а мне с вами вместе идти туда никак нельзя.

Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копать и нашли

чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было ее в кухне у нее достаточно, и вот повыбивала она у всех горшков доньшки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.

Воротился Фридер домой, увидел такую обнову и говорит:

— Катерлизхен, что это ты наделала?

— Да я купила их, Фридерхен, за те желтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.

— Ах, жена, жена,— говорит Фридер,— что же ты наделала! Да ведь это ж были не желтые кружочки, было то чистое золото— все наше богатство; разве можно было так делать?

— Фридерхен, да ведь я,— говорит жена,— об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.

Постояла Катерлизхен, подумала и говорит:

— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побежим за ворами.

— Что ж,— говорит Фридер,— давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.

— Ладно, Фридерхен, я возьму.

Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрее, то и шел он впереди Катерлизхен.

«А мне еще лучше,— подумала она,— когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рытвины. «Гляди-ка,— молвила Катерлизхен,— как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда не заживет». А было сердце у нее жалостливое, взяла она масло и намазала им колеи справа и слева, чтоб колеса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у ней из сумки и выпал и покатился с горы.

Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и приведет его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего,— одни не хотят возвращаться?» А три сыра все не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю, что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашел дороги да заблудился; надо будет послать за ними четвертый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвертым сыром случилось то же, что и с третьим.

Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый и шестой, а они были у ней последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вернутся ли они назад, а они все не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».

И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, ее дожидался,— есть ему очень захотелось.

— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть.— Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр? — спрашивает муж.

— Ах, Фридерхен,— говорит Катерлизхен,— маслом я колеи вымазала, а сыры, те скоро вернутся; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.

Говорит Фридер:

— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.

— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?

Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:

— А заперла ли ты дом, когда уходила?

— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?

— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдем дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.

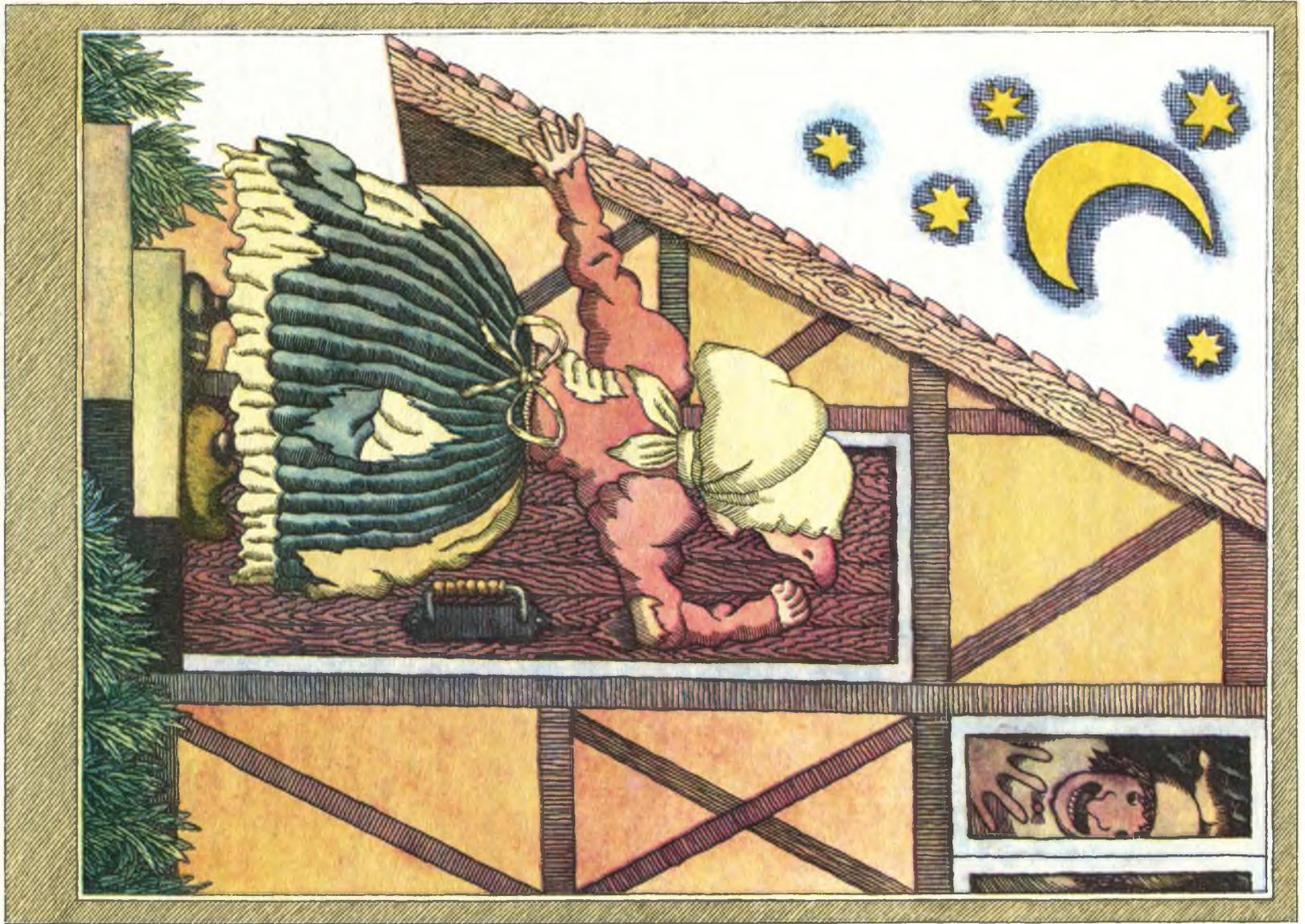
Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся,— принесу-ка ему мешок сушеных груш да кружку уксуса. Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила ее на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмет с собой, то в дом никто уже не заберется. Катерлизхен идет себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнет подольше». Подошла она к нему и говорит:

— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.

— Ах,— сказал он,— какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтоб всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь поздно уже домой назад возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи ее теперь сама дальше.

— Двери-то, Фридерхен, я потащу, а сушеные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несет.

Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решили там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само идти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под дерево, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костер, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова влез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но все

не попадал, а воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнет светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».

А Катерлизхен все держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушеные груши, и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я сушеные груши вниз.

— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить.

— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.

— Ну, так бросай, черт возьми!

И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помет сбрасывают». А дверь все по-прежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:

— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.

— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.

— Ну что ж, выливай, черт возьми!

Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже роса».

И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжелая?»— и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.

— Нет, Катерлизхен, сейчас этого не надо делать, а то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.

— Нет, Катерлизхен, а ты держи крепче.

— Ах, Фридерхен, я ее уроню.

— Ну,— ответил Фридер сердито,— и роняй, черт возьми!

И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Черт спускается с дерева!»— да как бросятся бежать и все, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу все свое золото и понесли его домой.

Воротились они домой, а Фридер и говорит:

— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.

— Ладно, Фридерхен, буду работать,— пойду на поле жать пшеницу.

Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поест ли мне прежде или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот проснулась после долгого сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:

— Я ли это или не я? Ах, нет, это не я.

А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:

— Фридерхен!

— Что там такое?

— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?

— Да, да,— ответил Фридер,— она дома, лежит и спит.

А она говорит:

— Хорошо; стало быть, я уже дома,— и убежала.

Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:

— Я вам помогу воровать.

Воры подумали: она, должно быть, здешние места знает,— и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:

— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.

Подумали воры: «Так дело не пойдет»,— и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:

— На краю деревни растет у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам ее.

Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шел мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам черт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:

— Господин пастор, а в вашем огороде черт репу тащит.

— Ах, господи,— ответил пастор,— нога-то у меня хромая, не могу я пойти на огород и черта прогнать.

Прохожий предложил:

— А я вам вместо костыля буду,— и он повел пастора на огород.

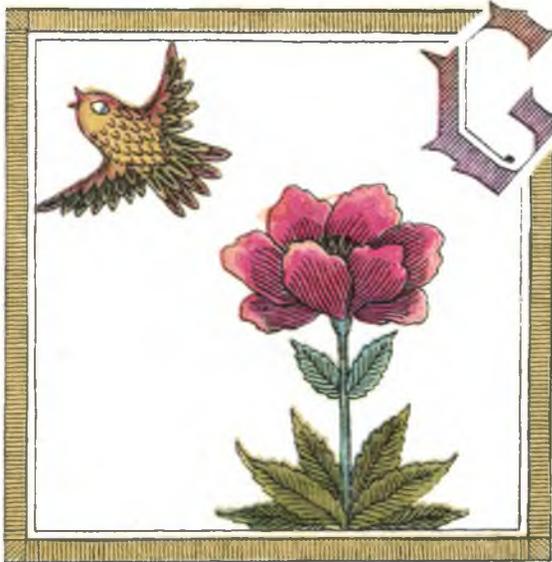
Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встает во весь рост.

— Ох, да ведь это же черт!— закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромой ногой куда проворней, чем тот, кто привел его на огород на своих здоровых ногах.

Йоринда и Йорингель

тоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а ес-

ли входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирала в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это были предбрачные дни,— и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри,— говорит ей Йорингель,— к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит,— стоят пе-

ред ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

*Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминучую все голубку поет,
Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!*

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелинуть, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глаза, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти ему было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха, и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне теперь делать?» — И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал, и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьего голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться,

плевать на него ядом и желчью, ну, а подступиться к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся до клеточки и до старухи-колдуньи,— тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шиповничек</i>	5
<i>Черт с тремя золотыми волосами</i> . . .	9
<i>Мальчик-с-пальчик</i>	17
<i>Три перышка</i>	23
<i>Сова</i>	27
<i>Три счастливица</i>	29
<i>Четверо искусных братьев</i>	33
<i>Храбрый портняжка</i>	38
<i>Бременские уличные музыканты</i> . . .	47
<i>Домовые</i>	51
<i>Репа</i>	53
<i>Ворона</i>	57
<i>Шестеро весь свет обойдут</i>	63
<i>Подземный человечек</i>	70
<i>Семеро швабов</i>	75
<i>О мышке, птичке и колбаске</i>	79
<i>Кошка и мышка вдвоем</i>	81
<i>Железный Ганс</i>	85
<i>Золотой гусь</i>	94
<i>Чертов чумазый брат</i>	99
<i>Лиса и лошадь</i>	103
<i>Про умного портняжку</i>	105
<i>Ганс в счастье</i>	109
<i>Фридер и Катерлизхен</i>	115
<i>Йоринда и Йорингель</i>	123

Якоб Гримм и Вильгельм Гримм
СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ

Для среднего школьного возраста

Редактор *Л. Т. Клосс*
Худож. редакторы *В. И. Волкин, В. Э. Коваль*
Техн. редактор *А. Г. Илларионова*
Корректор *О. И. Молоканова*

ИБ № 399.

Сдано в набор 08.07.80. Подписано к печати 29.09.81. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура балтика. Печать офсетная. Печ. физ. л. 16.
Печ. усл. л. 14,88. Усл. кр.-отт. 90,2. Уч.-изд. л. 9,354. Тираж 100 000.
Заказ № 3557. Цена 1 руб. 10 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство, 400066, Волгоград, ул. Советская, 4
Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома.
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

